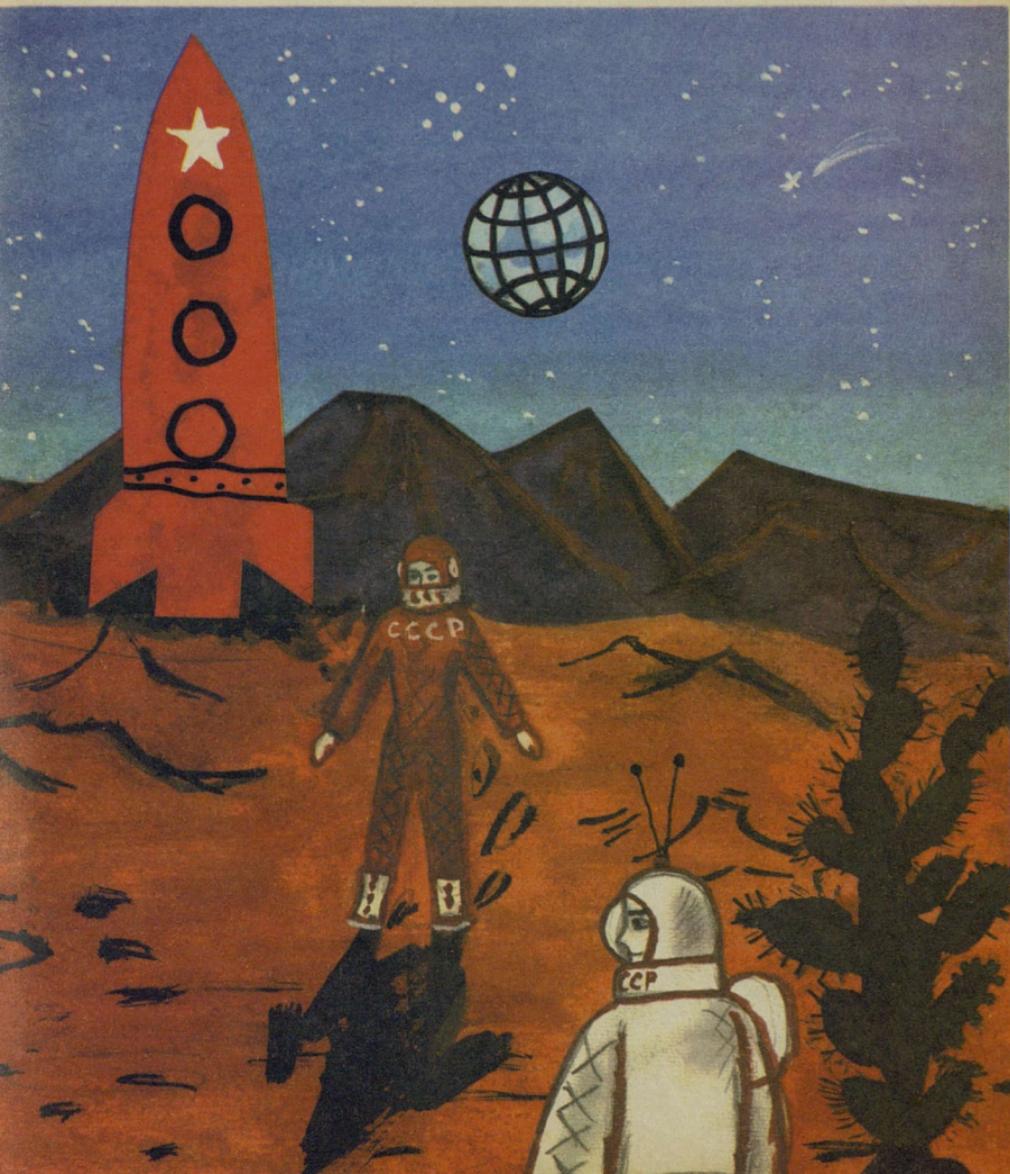

12 АПРЕЛЯ
ДЕНЬ
КОСМОНАВТИКИ

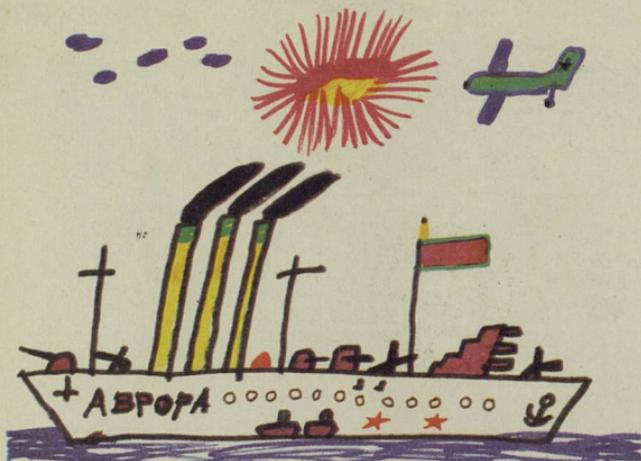
КОСТЕР

4 АПРЕЛЬ 1975

НА МАРСЕ Рисунок Дуси Плотниковой, 13 лет

КРЕЙСЕР „АВРОРА“
Ростик Сохор, 10 лет, ЧССР

Учитель написал мелом на доске эти слова: „Ленин с нами!“ — и восемь с половиной тысяч ребят в разных концах нашей страны склонились над тетрадками. Шел всесоюзный конкурс на лучшее сочинение о Владимире Ильиче.

Пришли в Москву школьные тетрадки. Украшенными рисунками и фотографиями своей школы, родных мест сочинения в прозе и стихах... Сочинения на русском языке и на языках народов СССР...

Центральный Комитет комсомола, Министерство просвещения СССР, Союз писателей СССР и Государственный комитет Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию присудили премии 114 лучшим работам.

Сегодня мы знакомим вас с некоторыми сочинениями.

КРАСНАЯ КОННИЦА
Миша Алексеев, 12 лет,
Ленинград

ЛЕНИН С НАМИ

Это было в далекие двадцатые годы. Мой дедушка был еще молодым парнишкой.

Стали собираться люди на сходки, проводить собрания, читать газеты. Организатором всего этого был односельчанин, вернувшийся из армии.

Однажды вместе с моим дедушкой поехал этот солдат в город, привезли книги, устроили в селе избу-читальню, в которой был портрет Ленина.

Дедушка рассказывал, что это был небольшой портрет. Здесь Ленин был изображен во весь рост, в черном пальто и в зимней шапке. Многие люди приходили посмотреть портрет человека, который отдал свое сердце и жизнь свою бедным людям.

Но не нравилось это кулацким сынкам Петру и Степану. Заметили это комсомольцы и решили: на ночь снимать портрет Ленина и прятать, а рано утром опять вешать на место.

Ночью слышались глухие выстрелы. А рано утром пришли комсомольцы и увидели, что стекло в окне выбито, а вся стена густо усеяна следами пуль. Да, это кулаки хотели уничтожить портрет Ленина.

Но утром портрет был на своем месте цел и невредим.

Так длилось долго, но вот кулаки догадались, в чем дело.

Кулаки выследили Костю. В пыльном темном деревенском переулке они убили его и разорвали на мелкие куски портрет вождя.

Утром нашли комсомольца, а на следующий день его похоронили. Дедушка шел со знаменем, провожая в последний путь своего друга. И вдруг из-за плетня кто-то окликнул дедушку и сказал: «Скоро и тебе туда дорога откроется».

Но дедушка не боялся этих угроз. На следующий день один бодро шел из города и нес большой портрет Ленина в деревянной рамке.

*Иванькова Надя,
Сокиренская школа
Сребнянского района
Черниговской области*

Школа имени В. И. Ленина города Кайраккума выглядит празднично: ребята еще с вечера украсили все классы и коридоры. Завтра, в день рождения Ильича, здесь будет сбор дружины.

Старые коммунисты вручат старшеклассникам комсомольские билеты и председатели советов отрядов сдадут рапорты комсомольских и пионерских дел.

В этот день придет, я знаю, и Ревина Настасья Ивановна, старая и одинокая женщина.

Раньше я спрашивал: «Бабушка Настасья, почему ты всегда плачешь на нашем празднике?»

А теперь не спрашиваю, теперь понимаю почему: один ее сын, юный комсомолец Володя, был замучен белогвардейцами под Ростовом-на-Дону в годы гражданской войны, другой, молодой коммунист Виктор, смелый разведчик и веселый гармонист, спит вечным сном там, на чужой земле, под городом с чужим и трудным названием — Кюстрин.

Они оба погибли за то, чтобы реяли сегодня алые знамена, трубили трубы и били барабаны, и мы все — Володя Плетюхин, Сакиева Мукарам, Пак Серезжа, Рахманов Шукурло, я, Арбаев Эдик, и другие ребята — шли, радостные, по улице Ленина.

*Арбаев Эдик,
школа им. В. И. Ленина,
Кайраккум Ленинабадской области*

ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД Роле Инесе, 10 лет, Броцены, Латвийская ССР

МОСКВА

Воледа Алексеевко, 9 лет, Москва

У меня на полке, среди любимых пластинок, стоит пластинка с записью речей В. И. Ленина. Ее невозможно слушать без волнения. И пусть начество записи несовершенно, зато это живой голос Ильича. Я люблю слушать эту пластинку, когда я особенно доволен собой. Тогда я хорошо представляю Владимира Ильича, как он стоит на трибуне и говорит, вытянув вперед правую руку. А иногда я представляю себе Ильича сидящим на скамейке в Горках. Он думает о чем-то и, прищурясь, смотрит прямо на меня. Люблю фильмы о Ленине, особенно интересные моменты, когда Владимир Ильич разговаривает с рабочими, смеется, играет с детьми.

Секацикий Александр,
школа имени С. М. Кирова,
Токмак Киргизской ССР

Дом тетушки Умии расположен у большой дороги. Каждый день сотни мальчишек и девчонок с книжками под мышкой идут по этой дороге в школу и возвращаются домой. Иногда тетушка Умия провожает их в школу взглядом и встречает радостной улыбкой. Счастье для тетушки Умии — видеть мальчишек и девчонок веселыми.

— Каждый раз, когда я вижу их, — говорит тетушка, — вспоминаю свое прошлое, и мне становится страшно.

Да, тетушка Умия прошла очень страшный и тяжелый путь. ...Басмачи считали ее своим врагом и хотели уничтожить.

Темная ночь. Умия спокойно спала. Вдруг она услышала какой-то стук. Быстро встала, открыла дверь. Сразу же кто-то схватил ее, заткнул рот и надел на голову мешок. А потом ее посадили на коня. Проехав 10—12 километров в сторону от села, они остановились, сняли с нее мешок и сказали с угрозой:

— Для тебя сейчас две дороги — смерть или будешь сидеть дома, как другие женщины-мусульманки. Выбирай.

— Я иду по той дороге, которую указал мне Ленин, — ответила Умия. — Из двух дорог сами выбирайте одну, потому что вас осталось слишком мало.

Враги увидели, что эта женщина не из пугливых, и выстрелили в нее. Скрыли ее басмачи под грудой камней.

Через несколько часов чабан Шоди заметил ее и вытащил из-под камней. Он привез Умию в кишлак. Она была жива. Лекарши лечили ее раны.

Мавлуда Холова,
Таджикская ССР

Тихо шумит лес. Тиха и мрачна землянка. Только они, партизаны, сегодня словно сбросили с плеч тяжелую ношу лет...

Я уже комсомолка. На груди сверкает комсомольский значок. В руке крепко сжимаю комсомольский билет. Этот красный, будто кровь, билет мне вручил старый партизан. Ветер трепал его волосы, словно серебряные нити.

«Клянмся... Легендарными боевыми и трудовыми подвигами всех поколений комсомольцев жить и трудиться так, как велит комсомольская совесть, честь и долг... Клянмся...» — звучат слова нашей присяги.

Я видела слезы, повисшие на ресницах партизан. Почему они плакали? Может, вспоминали юность, в землянке, с винтовкой в руках, а может быть, друга, которого приютил дзукский песок...

Много лет прошло с тех дней, но эти люди, сражавшиеся на дзукской земле, снова пришли на встречу со своей молодостью.

Я стою, взволнованная, в строю вместе с другими комсомольцами и крепко сжимаю красный комсомольский билет...

Во мне живет Ленин. В моем комсомольском билете, значке, в моем сердце...

Я сумею быть достойной его светлого имени...

Дангуоле Мишкините,
Рудаянская средняя школа,
Варенский район
Литовской ССР

В чудесном лагере дружбы Артеке я познакомился с шестнадцатилетним коммунистом из Ливана, о котором мне очень хочется рассказать. Бассем Абдель Самад — сын и внук видных деятелей Коммунистической партии Ливана. Его дед, один из ее основателей, был зверски убит бандой реакционеров. На место отца встал сын. С ранних лет Бассем с любовью произносил имя В. И. Ленина, а когда вступал в партию, клялся быть достойным памяти погибшего деда. Все это я узнал от самого Бассема. Мы обходились без переводчика, так как я знаю английский язык. Однажды он попросил, чтобы я научил его писать по-русски «Ленин», «Москва», «Артек». Эти занятия доставляли нам обоим огромное удовольствие, дружба наша крепла с каждым днем, расставаться было грустно.

НА СЕВЕРЕ Саша Першин, 8 лет

Я получаю от Бассема письмо, и каждый раз он пишет мне по-русски самые заветные слова: «Ленин», «Москва», «Мир», «Дружба», «Артек».

Айдын Алиев,
школа № 174, Баку

Широко раскинув руки, я бегу навстречу солнцу. Большому, доброму, ласковому и желтому, как лимонная корка. Мне легко, будто за спиной крылья, мне радостно, я счастлива, и хочется еще раз потрогать пальцами гладкую поверхность комсомольского значка: маленькое красное знамя, на нем силуэт Ильича, и он разделяет эту радость со мной. Добрый, с чуточку прищуренными глазами...

Такое уже было со мной. Где? Когда? Одна из миллиардов клеточек мозга зафиксировала что-то, дала о себе знать. Но это был слишком слабый импульс. Как усилить его, чтобы вспомнить? Я прохожу мимо школы, мимо группы малышей, смотрю на них и вдруг... Сработала та нужная клеточка мозга! Светлый зал. Он до краев заполнен веселым щебетаньем маленьких девочек с огромными, в поголовы, бантами и мальчишек, коротко подстриженных, с фиолетовыми пятнышками на пальцах. И каждый восторженно блестящими пугокамеглазами разглядывает пятиконечную звездочку

на груди. И на звездочке — Ленин...

Я живу на земле, и не просто существую, а действительно живу. И сейчас, именно сейчас, я обращаюсь к вам, товарищ Ленин! Я — комсомолка 70-х годов, воспитанная партией, комсомолом, Родиной, и говорю от имени всех моих сверстников: «Вся моя жизнь принадлежит тебе, моя Родина! Я всем своим сердцем и жизнью буду стремиться вступить в ряды Коммунистической партии, созданной Лениным, чтобы своими делами, совестью доказать верность партии, Ильичу».

Коченова Тая,
школа № 11,
Ворошиловград

Я воспитываюсь в школе-интернате. Здание школы — лучшее в поселке. Ранее помещичьи парк и озеро — теперь наши любимые места отдыха. Над школой шефствует Новополюцкий химкомбинат, и лучший пионерлагерь химиков «Ленинец» каждое лето гостеприимно распахивает перед нами свои двери. Мы побывали на экскурсиях в Минске, Бресте, Москве и Ленинграде. В 1972 году я отдыхала в Артеке. Летом 1974 года принимала участие в спортивном конкурсе школь-

ников на столичном стадионе «Динамо».

Разве же можно назвать меня старым горьким словом «сирота»?

Сегодня мне четырнадцать. Я учусь в седьмом классе. Идет урок русского языка. Мы пишем сочинение «Ленин с нами». Класс притих, думает. На стене, над классной доской — портрет. Ленин смотрит с портрета. Ленин... Он сопровождает нас всю жизнь.

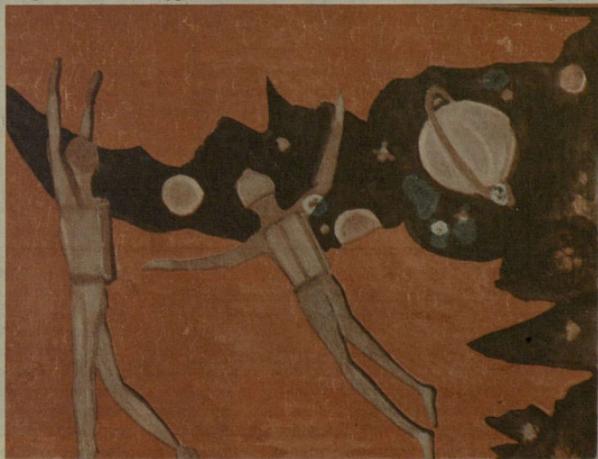
Михню Нина,
Овсейская школа-интернат,
Верхнедвинский р-н
Витебской области

Недавно мы всем классом с нетерпением ждали телепередачи программы «Время» (за высокую успеваемость и хорошую дисциплину наш класс получил от дирекции телевизора).

Мы смотрели встречу Леонида Ильича Брежнева на кубинской земле. Я и мои друзья видели восторг миллионов кубинцев, и гордость наполняла наши сердца. Кубинцы, наши сверстники, учатся в школе, носящей имя Ленина.

Я думаю, Ленин там, где упрочняется мир, где братаются народы. Ленин всегда в настоящем.

Овакимья Рузання,
школа-интернат № 22,
Ереван

В КОСМОСЕ

Женя Рецперт, 13 лет, Ленинград

ВЕСНА СЕМНАДЦАТОГО ГОДА

Почти десять лет пробыл Ленин в эмиграции. И все эти годы был неразрывно связан с Россией, с партией. Он и за рубежом оставался вождем большевиков, возглавляя борьбу русских рабочих с самодержавием.

В августе тысяча девятьсот четырнадцатого года разразилась мировая империалистическая война. Австрия объявила войну Сербии, Германия двинула войска на Россию, Англия и Франция повели наступление на Германию. И тогда перед революционерами всех воюющих стран встал неизбежный вопрос: продолжать ли во время войны борьбу со своими угнетателями, со своими капиталистами? И многие социалисты, изменив революционному долгу,

стыяне? Солдаты? Борцы с кровавым самодержавием? Нет! Новые министры — это миллионеры-фабриканты и крупные дворяне-помещики. Вот почему и без царя все осталось как при царе: заводы у фабрикантов, земля у помещиков. И война идет как при царе. Каждый день, каждый час падают на землю убитые солдаты России.

В те дни Ленин и Крупская жили в Швейцарии.

Узнав о революции, Ленин заявил:

— Ехать! Немедленно ехать в революционный Питер!

Но как выбраться из Швейцарии? Как пробраться в Россию? Идет мировая война. Путь

призвали своих рабочих и крестьян убивать рабочих и крестьян других стран, защищать, не щадя жизни, свое буржуазное правительстао, своих капиталистов.

Русские меньшевики и эсеры считали себя революционерами, но с первых же дней войны превратились в контрреволюционеров. Они требовали, чтобы угнетенный народ защищал царскую Россию. Большевики же призвали всех рабочих, всех революционеров превратить войну империалистическую в войну гражданскую, выступить с оружием в руках против своих угнетателей.

И первыми, кто претворил в дело призыв большевиков, были русские рабочие и солдаты. В феврале 1917 года они восстали и свергли царя.

Началась революция.

Царь свергнут! И нет больше царских министров. Теперь Россией правит Временное правительство во главе с князем Львовым. А новые министры? Кто они такие? Рабочие? Кре-

из Швейцарии в Россию возможен теперь только через Францию и Англию. Но разве англо-французские империалисты пропустят большевиков в Россию. Ни за что! Они помнят страшные для них призывы большевиков:

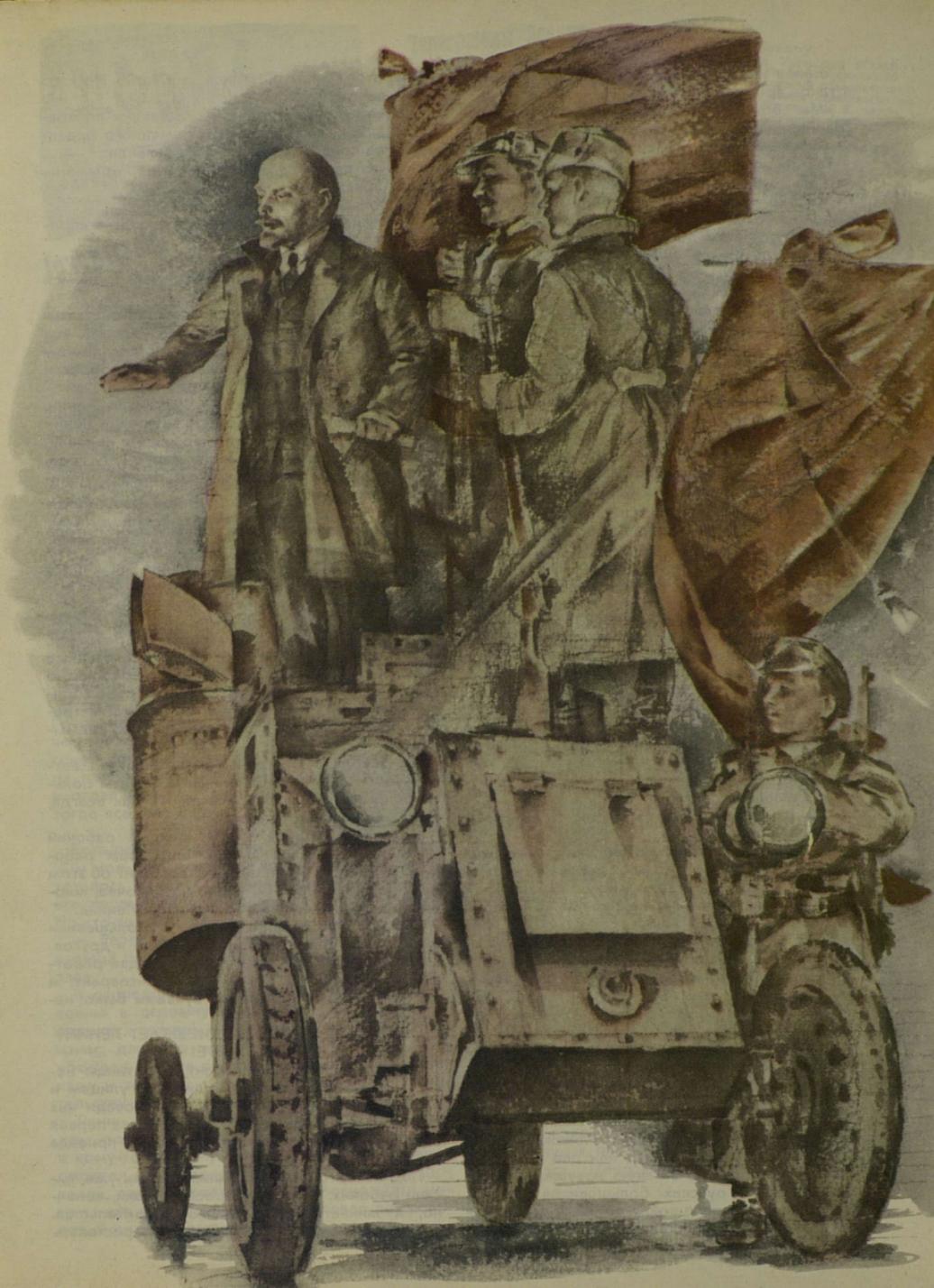
— Эта война нужна капиталистам! Рабочим, крестьянам она несет нищету, голод, смерть! Долой войну!

И еще знал Ленин: капиталисты России, Англии, Франции договорились не впускать в Россию большевиков-эмигрантов и, прежде всего, ни при каких обстоятельствах не впускать Ленина. Пусть Ленин сидит в Швейцарии. Вдали от России он не так опасен.

Империалисты даже составили большой запретный список, кого нельзя впускать на родину.

Но никакая сила не могла удержать теперь истинных революционеров. Ни о чем другом Ленин больше не думал.

«Я вне себя, что не могу выехать из проклятой Швейцарии».

«Какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время».

«Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся...»

«Я всячески обдумываю способ поездки».

Так писал Ленин друзьям-единомышленникам из вынужденного заточения. Он потерял покой, не спал по ночам, обдумывая планы выезда в Россию. Он готов был на любой риск.

— А что, если достать паспорт на имя какого-нибудь шведа? — советовался он с Крупской. — Доберусь до Швеции, а там и Питер — рукой подать!

— Но ты же не говоришь и не понимаешь по-шведски, — возражала Надежда Константиновна. — Это обязательно обнаружится.

— А я притворюсь глухонемым, — не сдавался Ленин.

— Не выйдет! — смеялась Надежда Константиновна. — Увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадет вся конспирация.

— Да... Конечно... Можно провалиться. Может быть, вот что... Ведь Карпинский не занесен в запретный список?

— В списке его нет. Прохлопали господ империалисты.

— Отлично. Пусть Карпинский возьмет бумаги на выезд во Францию или Англию, а поедет не он, а я.

Но и этот план нельзя осуществить. Карпинский однажды сидел в Женевской тюрьме, его знали в лицо и французские, и английские, и русские шпики...

Обсуждался еще один план. Сговориться со швейцарским летчиком, чтобы он взял на борт самолета Ленина и совершил посадку в Швеции или Норвегии. Но как найти такого летчика, а главное, где взять деньги, чтобы уплатить летчику? Нет денег у Ленина.

Но Ленин не сдается.

«Мы должны во что бы то ни стало ехать, хотя бы через ад!»

И снова бессонной ночью продумывается новый план. План смелый, дерзкий, неожиданный. Ехать в Россию, минуя Францию и Англию. Как? Через Германию! Да, да! Через Германию, которая воюет с Россией, с Англией, с Францией! Но разве Германия пропустит русских на родину? Ленин уверен, что пропустит. Он понимал, как будут рассуждать немецкие генералы: «Большевики против этой войны. Приедут большевики в Петроград и начнут борьбу за мир, за выход России из войны. А стоит России выйти из войны, и мы разобьем Францию и Англию».

Отличный план! На эту приманку немецкие империалисты обязательно попадутся!

И все вышло так, как думал Ленин. Германия согласилась. Пожалуйста! Поезжайте!

Только потом, через год или два немецкие капиталисты поняли, в какую ловушку они попали. Призыв русских большевиков кончать империалистическую войну дошел и до немецких солдат. Они восстали, свергли немецкого

императора и отказались воевать. Но это было потом...

Проведав, что русские большевики возвращаются в Россию, министры Временного правительства пришли в ярость. Они заявили:

— Кто вернется в Россию через Германию, будет арестован!

Но большевики не испугались угроз.

— Когда отходит ближайший поезд? — спросил Ленин Крупскую.

— Через два часа.

— Значит, через два часа мы тронемся в Россию.

— Не успеть, — сказала Надежда Константиновна. — Можно ли за два часа уложить все вещи, вернуть в библиотеку книги, расплатиться за квартиру, доехать до вокзала, приобрести билеты? Поезжай один, я выеду завтра.

— Нет, едем вместе! — настаивал Ленин.

За несколько минут до отхода поезда Ленин и Крупская подъехали на автозвонке к вокзалу. Это было двадцать седьмого марта 1917 года. Девятнадцать большевиков во главе с Лениным выехали в Россию.

С нетерпением ждали большевики Питера приезда Ленина, но никто не знал, когда ему удастся сокрушить все препятствия по дороге в Россию. И вдруг третьего апреля стало известно: Ленин приезжает сегодня ночью.

Радостная весть омрачалась только одним. Был праздничный день, заводы не работали, а до приезда Ленина оставались считанные часы. Как же оповестить питерских рабочих о таком великом событии? Неужели революционный пролетариат столицы не сможет встретить своего вождя?! Это невозможно, невысказано!

Да, заводы в этот день не дымили, но Центральный Комитет и районные комитеты большевиков работали, как всегда. И как всегда, в комитеты приходили рабочие.

Комитеты решили, чтобы каждый рабочий сообщил о приезде Ленина еще трем рабочим. А каждый оповещенный сообщит об этом другим трем рабочим, и так, по цепочке, множество рабочих узнает о приезде Ленина.

Решили так и действовать. А большевики Выборгской стороны придумали еще и другое. После полудня на улице появились две работницы-большевички. Они несли транспарант, а на транспаранте большими буквами было написано:

**ТОВАРИЩИ! СЕГОДНЯ ПРИЕЗЖАЕТ ЛЕНИН!
ВСТРЕЧАЙТЕ!**

Высоко подняв транспарант, работницы несколько часов медленно ходили по улицам и проспектам Выборгской стороны. Позади них образовалась большая толпа. Это была первая стихийная демонстрация в честь приезда Ленина.

Под вечер о приезде Ленина знали уже тысячи рабочих, солдат, матросов. Знали, конечно, и министры Временного правительства. Они были напуганы: что делать? Арестовать

Телеграммы Ленину.

Азь Якутска.
Приветствуем ваше возвращение к старинной деятельности. Да здравствует возрожденный Интернационал.
Петровский, Серго, Алексеев

Телеграммы Ленину.
ЯКУТСК. Якутская организация социал-демократов приветствует с радостью ваше возвращение к массовой сс нizationalной работ!

Приветствия Ленину.

Рабочие, собравшиеся на митинг из-за 2000 чезов. приветствуем возвращение из-за взыгания ветерана вярдааго Ленава.
Председат. собр.

Приветствие Т. Ленину.

ЕКАТЕРИНОДАРЬ. Дорогой товарищ! Благородно радостно приветствует вас, как глубокой радостью последовательных и самых последовательных революционных борца за международную революцию и неотуманного борца за

Приветствия Ленину.

Из Омска.
Уважаемый товарищ! Приветствуем возвращение в родные места товарища Ленина. Приветствую своего самого стойкого товарища!

Ленина? Невозможно! Рабочие, солдаты пойдут на все, чтобы освободить его. Могут даже встать против нового правительства! Надо искать другой выход. Пусть договорятся с ним меньшевики, пусть убедят, что Россия должна продолжать войну, что большевики и меньшевики должны теперь действовать сообща, иначе революция погибнет...

Под вечер к Финляндскому вокзалу двинулись колонны рабочих, солдат, морские экипажи, отряды Красной гвардии и Рабочей милиции. Привокзальная площадь быстро заполнялась народом, но колонны все шли и шли.

До прихода поезда демонстранты заполнили не только площадь, но и все ближайшие улицы.

Поезд подошел к вокзалу поздно вечером. Говор на перроне мгновенно стих. Замер почетный караул. И вот в дверях одного из вагонов показался Ленин. Печатая шаг, к Ленину приблизился начальник почетного караула и отдал рапорт. Загремела «Марсельеза», и тогда все, кто был на площади, поняли — **ЛЕНИН ПРИЕХАЛ!**

Большевики окружили своего вождя плотным кольцом, все были возбуждены, каждому хотелось увидеть Ленина поближе, услышать его первые слова в революционном Питере. Но кто-то сказал:

— Рабочие и партийные делегации ждут товарища Ленина в бывшей царской комнате вокзала.

В сопровождении почетного караула Ленин вошел в огромную комнату. На встречу ему поднялся главарь меньшевиков Чхеидзе и произнес длинную «приветственную» речь. Он убеждал Ленина работать вместе с меньшевиками и эсерами, помогать Временному правительству вести войну.

Ленин стоял посреди комнаты с таким видом, точно Чхеидзе обращался не к нему, а к кому-то другому. Чхеидзе говорил, а Ленин смотрел по сторонам, разглядывал лепной потолок, потом опустил голову, словно в эти минуты его больше всего интересовал замысловатый рисунок паркета.

Наконец Чхеидзе умолк в ожидании ответа Ленина.

Ленин оторвал взгляд от паркета и повернулся к делегатам.

— Дорогие товарищи, солдаты, матросы, рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице передовой отряд всемирной пролетарской армии... Грabitельская империалистическая война есть начало войны гражданской... Русская революция, совершенная вами, открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!

И, не взглянув на растерянного главаря меньшевиков, Ленин быстрой походкой направился к выходу.

При виде Ленина площадь огласилась громовым «ура». Это «ура» прокатилось из конца в конец огромной площади, ворвалось в ближайшие улицы и переулки и с новой силой вернулось на площадь. Лучи прожекторов, прорезав ночную тьму, выслучили множество трепещущих на ветру кумачовых знамен, флагов, транспарантов. На транспарантах алены два слова:

ПРИВЕТ ЛЕНИНУ!

Ленин сошел со ступенек вокзала. Грянул «Интернационал». И с новой силой прокатилось тысячеголосое «ура». Рабочие и солдаты подняли Ленина на бровневи, и все лучи прожекторов скрестились на фигуре вождя большевиков. Площадь замерла. В этой тишине все услышали голос Ленина.

— Товарищи! Русские рабочие и армия освободили народ от царского деспотизма. Пролетарии всего мира с надеждой смотрят на смелые шаги русского пролетариата, положившего начало социальной революции. Да здравствует социалистическая революция!

И под звуки гремящего над площадью «Интернационала» окруженный народом броневик двинулся на Петроградскую сторону, где помещался Центральный Комитет большевиков.

Н. Ходза
Рисунки В. Бескаравайного

ВЗРЫВ

Я вернулся в Ленинград. Написал письма в Ленинградский партийный архив, где хранятся все партизанские документы, просил сообщить подробности о гибели Коли и Вани Плотниковых...

Пришли ответы:

«По документам Ленинградского штаба партизанского движения значится:

1. ПЛОТНИКОВ Иван Иванович, рождения 1924 года, место рождения Старорусский район. Вступил в партизаны 11.11.42, и проходил службу в 67 партизанском отряде 4-й Партизанской бригады в должности бойца.

Виктор Того

ДВЕ ГОРСТИ ЗЕМЛИ

28.VI.42 г. Плотников И. И. погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками у деревни КОВОво Славянского района Ленинградской области (ныне Псковская область). Похоронен в лесу деревни Котова. Приказом № 0904 войскам Северо-Западного фронта от 30 июля 1942 года ПЛОТНИКОВ И. И. награжден медалью «ЗА ОТВАГУ».

2. ПЛОТНИКОВ Николай Иванович, рождения 1926 года, вступил в партизаны 11.11.42, и проходил службу в 67 и 68 партизанских отрядах 4-й Партизанской бригады и 99 партизанском отряде 5-й Партизанской бригады в должности бойца.

14 августа 1943 года погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками, похоронен в лесу южнее 4 км деревни Большие Ляды. Приказом № 0719 войскам Северо-Западного фронта от 2

Окончание. См. «Костер» № 3, 1975 г.

августа 1943 года награжден медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ».

Это был по-военному ясный и четкий документ. Но он... noticeably отвергал то, что рассказывали Удальцов и Михайлов. И могила Коли находится не там, и Вани погиб совсем в другом месте.

Но если документы верные, то Михайлов с Удальцовым ошибаются? Тут что-то не так.

Полетело в Парфино мое письмо с копиями архивных справок. Сделопыты ответили через несколько дней: «В Новгороде живет бывший комбриг 4-й Партизанской бригады Алексей Петрович Лучин. Мы ему сразу написали, и вот его

гда уходили, не то староста, не то полковой выстрелил нам в спину и одного из наших ранил в руку.

Подъехали к станции Морينو. И тут Алексей Александрович приутилок.

А когда проезжали поляну, он даже вздрогнул.

— Вроде бы здесь!

Поезд подошел к станции. Я украдкой наблюдал за Михайловым. Он был похож на человека, идущего сдавать трудный экзамен...

Но шагал Алексей Александрович быстро. Мы едва за ним поспевали. Прошли километра два.

— Тут была будка... — неуверенно сказал Михайлов.

Но никакой будки не видно.

Гусинок А. Харинака

— Ага, нет... вот! — Алексей Александрович стоял на возвышении, некогда бывшем фундаментом. — Точно: здесь была будка. Переезд был...

Прошли еще с полкилометра и вышли к поляне. Алексей Александрович свернул с насыпи. Быстро-быстро вперед. Поляна эта не плоская, скорее, пологий холм, к вершине которого он стремился. Вот и вершина. Михайлов остановился. Вытянул руку.

— Видишь дом? Это тот самый, что я рассказывал, слева... Здесь мы вышли из большого леса.

Михайлов пошел дальше, на долину.

— Вот сейчас. Вот здесь, — повторял он, а сам все шел вперед.

Шаг, еще шаг...

Наконец, остановились у дорожного столбика с цифрой «7». Чуть поодаль — одинокая березка. Ничем не примечательный пейзаж. Тишина. Смотрим по сторонам. Деревья. Немые свидетели близкого... И вот мы увидели незажившую рану на теле земли — глубокую воронку — место взрыва сошедшего с рельсов фашистского вагона с бронекарами. Здесь совершил свой героический подвиг Вани Плотников... Алексей Александрович стоял и плакал...

Отсюда возьмут первую горсть земли парфинские пионеры.

ПО СЛЕДАМ КОЛИ ПЛОТНИКОВА

Алексей Александрович Михайлов на месте подвига Вани Плотникова

Оставалось найти могилу Коли Плотникова. По воспоминаниям партизан она была

**Сергей Александрович
Акимов,
командир группы
бригадной разведки**

«...в трех километрах от станции Уторгош — в Оклюжье. На окраине села. Под высокой елкой».

Но в справке, выданной архивом, значилось: в лесу, южнее 4 км деревни Большие Ляды!

Наученные опытом мы решили проверить обе версии. И вот семеро парфинских следопытов, секретарь райкома комсомола Татьяна Федоровна Яковлева и я поехали в Уторгош. В Уторгош приехали к полудню. Зашли в сельсовет, чтобы справиться, как проехать до Оклюжья. Встретила нас секретарь сельсовета Валентина Георгиевна Корева, тоже бывшая партизанка.

Оклюжье?.. В трех километрах от Уторгоша?.. Плотников... Что-то знакомое... Определенно, она слышала такую фамилию. Позвонила нескольким людям.

— Плотников?.. Нет, могилы такого партизана никто не знает.

— Сколько, вы говорите, километров до Оклюжья?

— Нам сказали — три.

— Семнадцать до Людятино. Да там еще столько же. Не три, а все тридцать три! Но если до Людятино можно добраться на машине, то дальше — только на вертолете... Болота там... Топи. Да и не найти там ничего. Лесом за-

росло. Все холмики и ямки сравнялись...

— Нам сказали, что у вас в Уторгоше председателем райисполкома был Тараканов, бывший командир отряда, где был Коля Плотников, и что Тараканов точно знает, где похоронен Коля.

— Когда это было? Тараканов уехал отсюда в сорок седьмом году и лет десять его уже нет в живых...

Так безрезультатно закончилась моя поездка.

Я вернулся в Ленинград и стал снова искать свидетелей последних часов Коли Плотникова.

Пришла еще одна обескураживающая весть. В своем письме парфинские ребята писали, что в районе боев Партизанской бригады деревни Оклюжье нет...

МАРСЕВЬ ИЗ ПЯТОЙ БРИГАДЫ

Однажды мне сказали: — Знаете, кто мог бы вам помочь? Здесь, в Ленинграде, живет командир группы из нашей бригадной разведки Сергей Александрович Акимов. Он мог быть очевидцем того случая, о котором рассказывал Удальцов.

Встретиться с Сергеем Александровичем я не мог очень долго. То он в отъезде. То в командировке. Наконец, как-то поздно вечером, уже где-то около одиннадцати, в трубке послышался мужской голос. Я представился. Объяснил, почему звоню.

— Ясно, — сказал Сергей Александрович. — Приезжайте, и немедленно, а то завтра утром я уезжаю в командировку в Тихвин.

Каково же было мое удивление, когда мне открыл двери человек... без обеих ног.

Он действительно был очевидцем гибели Коли Плотникова. Его рассказ в общих чертах повторял сказанное Удальцовым.

— ...погиб Коля на «Острове тихой жизни». Близ Оклюжья. Была такая деревня. Сожгли ее. (Вот в чем дело! Вот почему не смогли ее найти парфинские пионеры.) ... наша бригада была окружена, и мы отсиживались на маленьком островке, затерянном среди болот. Мы в шутку называли его «Островом тихой жизни». Туда как раз и привели лошадей. А за ними — фашисты...

— А похоронен он где?

— Я думаю, там и похоронен. Помнится, даже разговор

Парфинские пионеры ищут место, где был партизанский лагерь

был такой. Завернули в парашют и похоронили под высокой елью.

Проговорили мы допоздна. Я все не решался спросить его про ноги. А из рассказа понимал: партизанил Сергей Александрович до последнего. Наконец, когда уже прощались, он, вероятно, сам почувствовал, что за вопрос меня мучит. — А это... — сказал он тихо, — через несколько дней после гибели Коли. На мне. 20 августа 1943-го...

Теперь я знал, где искать. Но прежде чем вести на болото ребятам, я должен был съездить туда сам. Я выезжал несколько раз в эти места, разбив на карте непролазные топи на квадратики. Медленно «процесывал» эти квадратики, искал «Остров тихой жизни». Это была задача со многими неизвестными. Где-то в районе несуществующей деревни Околюжье среди болот есть островок. Он может оказаться «Островом тихой жизни». На этом острове должна быть высокая ель. Под елью — холмик... Где искать несуществующую эту деревню? В какую сторону от нее идти? Сколько высоких елей на этом самом острове? Однажды, оступившись, я едва не потонул в гнилой трясине... И все-таки кое в чем мне повезло. По груди в воде я перешел на остров. Это мог быть только он — «Остров тихой жизни», потому что здесь я нашел остатки партизанских землянок и кострища... Здесь скрывались тридцать лет назад партизаны... Быть может, здесь и была могила Коли Плотникова. Но если это и так, то отыскать ее не сможет уже никто...

Обо всем этом я рассказывал парфинским следопытам... Оставалось проверить вторую версию. Но по тем координатам, что были указаны в справке, присланной архивом — «похоронен в лесу, южнее 4 км деревни Большие Ляды...» — крошечный могильный холмик разыскать через тридцать лет — поди попробуй... Мы снова стали искать очевидцев гибели Коли, которые бы могли указать точное место...

Время летело быстро. Однажды по просьбе парфинских ребят заехал я в Крестецкий район в поисках человека, который хотя и не мог встречаться с Колей Плотниковым, но что-нибудь мог сообщить, потому что был командиром одного из партизанских отрядов...

В партизанской бригаде было четыре отряда: отряд Егорова, отряд Тараканова (где воевал Коля Плотников), отряды Чебыкина и Скородумова.

Только случайно мог знать рядового бойца командир другого отряда. Но в Крестецкий район я поехал и в поселке Новое Рахино нашел Сергея Никитича Чебыкина. Я рассказал ему о нашем поиске и попросил помочь. Он был немногословен. О себе рассказывал и вовсе скупко:

— До февраля сорок второго служил в штабе фронта. Потом партизанский отряд Ивана Ивановича Грозного. После боя под Апросово в апреле того же года стал командиром 68 партизанского отряда 4-й Партизанской бригады. Потом командовал 99-м отрядом в 5-й бригаде...

И тут я невольно воскликнул: — 99-й отряд? Но в этом отряде и был Коля Плотников! Вы не путаете?

— Да нет же... И Колю я помню... И как погиб — помню, и где похоронен — знаю. Километрах в двенадцати от Уторгоша по Псковскому шоссе есть деревушка Малые Березицы. От нее пять километров по лесной дороге — придете в Ляды. Там, под толстой липой, рядом с четырьмя лиственницами — могила Коли Плотникова. Найти трудно, но можно.

КОНЕЦ ПОИСКА

Невозможно описать эту дорогу. Болота... болота... Лес и снова болота. Семь километров — и все по пояс в воде. А каково было партизанам? С оружием. Испытывая постоянную угрозу опасности. Всегда готовые вступить в бой.

Волновала мысль: сейчас будем у цели...

И вот лес расступился. Огромное поле. Ветер гулял в травах, зеленые волны шли к горизонту. И тут мы увидели эту группу деревьев. Высокая ветвистая липа и четыре лиственницы. Вот они!

Ни ограды. Ни колышка с дощечкой. Ни сколько-нибудь заметного холмика. Впрочем, сетовать не на что. Исчезли с лица земли целые селения. Как

Под этим деревом и похоронен юный партизан. Отсюда возьмут вторую горсть земли

же сохраниться маленькому земляному холмику! Две вросшие в землю жерди да кул шиповника — все, что осталось со времен войны...

Но это она — могла партизана. Отсюда будет взята вторая горсть земли.

На этой фашистской карте отмечены места дислокации партизан. На отрезке пути между станциями Дно — Старая Русса помечено место гибели шешона, который пустился под откос Вани Плотникова.

Так завершилась эта история. Теперь мы знали все подробности жизни и ранней смерти двух парфяных мальчишек. В 41-м они были еще школьниками. В 42-м — партизанами.

Знакоми их имена: Ваня и Коля Плотниковы. Они отдали жизнь за Родину.

ОТ РЕДАКЦИИ

Когда этот номер был уже набран, в редакцию журнала пришло письмо из Новгородского областного Совета депутатов трудящихся:

«Обласполком сообщает, что в целях увековечения памяти о юных героях-партизанах братьях Плотниковых, одна из улиц поселка Парфино, в котором родились юные герои, будет носить их имя, а также предусматривается установить мемориальную доску на школе № 1, где учились Иван и Николай Плотниковы».

Зам. председателя исполкома
М. С. Шербаков

ШЛА

из ФРОНТОВЫХ

РОДИНА

Константин Симонов

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрывается сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспомнишь не страну большую,
Какую ты извезла и узнала,
Ты вспомнишь родину — такую,
Какой ее ты в детстве увидяла.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким цыпком.

Вот где нам повсчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы.
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

«Войска Ленинградского фронта в течение 12-дневных напряженных боев прорвали и преодолели на всем протяжении фронта под Ленинградом сильную укрепленную оборону немцев, штурмом овладели важнейшими узлами сопротивления и опорными пунктами противника под Ленинградом и, успешно развивая наступление, отбросили противника от Ленинграда по всему фронту. В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника».

«Правда», 28 января 1944 года.

«Советские войска освободили из немецкого лагеря смерти в местечке Аверчице Польской области 22423 человека, из них 15960 детей, которых немцы намеревались уничтожить. За время существования лагеря в нем было замучено и убито 30 тысяч человек».

«Правда», 18 марта 1944 года.

ВОЙНА НАРОДНАЯ

БЛЮКНОВЫХ ПОЭТОВ И ХУДОЖНИКОВ. ИЗ СООБЩЕНИЙ РАДИО И ГАЗЕТ

Радист 265 стрелковой дивизии — вот кем я был в Великой Отечественной войне. Дивизия сражалась на Ленинградском фронте и самые жаркие бои вели под городом Выborgом.

В этой же дивизии служил и мой отец. Однажды он был ранен в бою, и пока отлеживался в госпитале, маме домой пришлось известие о том, что отец погиб. И тогда мама отправилась в нашу дивизию и стала служить в медсанбате.

Вся наша семья была фашистов. В кавалерийской дивизии сражался старший брат, сыном полка был самый младший, Миша.

...Надев белый маскировочный костюм, в составе лыжного батальона я часто отправлялся далеко в тыл врага — на связь с партизанами. Когда наступал час отдыха, я вынимал тетрадь и рисовал бойцов и партизан. Так появились и рисунок сержанта Лени. Второгодник я не записал Ленину фамилию, но самого Лени, моего боевого товарища, помню очень хорошо и этот портрет на пожелтевшей от времени, хрупкой бумаге бережно хранию. Он для меня — самая дорогая реликвия.

В. Петроградский,
заслуженный художник РСФСР

РАДИСТ СЕРЖАНТ ЛЕНА

Рисунок В. Петроградского, 1944 г.

«За образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм» Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил звание Героя Советского Союза литовской партизанке комсомолке М. Ю. Мельничайте.

«Ведомости Верховного Совета СССР», 5 апреля 1944 года.

«Сегодня, 12 мая, в Крыму закончилась операция по очищению района мыса Херсонес от остатков немецко-фашистских войск, разбитых при овладении нашими войсками городом Севастополь. Всего за период Крымской кампании с 8 апреля по 12 мая нашими войсками уничтожено: танков и самоходных орудий 188, самолетов 329, орудий разных 7775. Противник потерял убитыми более 30 000 солдат и офицеров. Честь и слава доблестным героям битвы за Крым!»

«Правда», 13 мая 1944 года.

«Войска 3-го Украинского фронта совместно с войсками Народно-освободительной армии Югославии в результате успешных боев завершили уничтожение немецкого гарнизона в Белграде и сегодня, 20 октября, освободили столицу союзной нам Югославии от немецких захватчиков».

«Правда», 21 октября 1944 года.

«Медаль „За оборону Сталинграда“ недавно вручена восьмилетнему Игорю Михайлову. Во время обороны Сталинграда Игорь находился на батарее своего отца Константина Михайловича. Вместе с бойцами Игорь стойко и храбро переносил опасности и лишения. Как мог, помогал бойцам, приносил им письма, газеты, воду, собирал и передавал командованию немецкие листовки и не раз выслеживал немецких разведчиков».

Когда немцы были разбиты под Сталинградом, Игорь на самолете прилетел к родным в Москву.

«Июньская правда», 3 октября 1944 года.

В солнечный апрельский день
на главной площади Самарканды
идет прием в пионеры

ЖУРНАЛ ЮНОРОВ «КОСТРА»

6 КОСТРОВ
МАМА

КУЗЬМА ГЕОРГИЕВИЧ
ХРОМОВ

ПРОЩАНИЕ

В дни Великой Отечественной войны наш стрелковый полк освободил Новоросси́ск. Я шел с солдатами по улице, среди развалин. Город дымился. В одном из подвздошья увидел мальчика. С деревянным игрушечным ружьем он стоял навзрыд у стены. Я подошел к нему и спросил: — На что постоишь? — Так точно, товарищ командир! — Кого ж ты охраняешь? — Товарища Ленина! — четко прозвонил мальчик. Я огляделся и увидел на стене фотографии Владимира Ильича. Ленин был сшит в накинутую на плечи пальму. Он шуршал, как от соли. Невольно на лице моем

Наша школа самая большая в Термезе и самая старая в Узбекистане — она ровесница республике. Не только мы узнали о пионерском рейде «БАМУ» — пионерские релъсы, сразу же проехали в школе радиолитнейку, на совете дружины выбрали ответственных по отрядам. Грудность была в том, что комсомольцы школы в это время нахаживали на уборке хлопка. Но ничего, мы справились. Каждый пионер собрал по 25 кг старого металла и по 2 кг бумаги. Мы мечтаем поехать на металлургический завод и увидеть настоящую плавку.

г. Термез, *Давлат Нарзиев*,
д. Джума, школа № 2
имена газеты «Правда»

Входите в нашу школу и видите бóльшую плавку: «БАМУ» — ПИОНЕРСКИЕ РЕЛЬСЫ! Под планетом — ежедневная сводка: сколько собрано лома, кто плетред, кто лучший. Вот наши лучшие сборщики: Алимарданов Арриф — 1 тонна 500 кг. Дивалтор Гуваксар — 100 кг. Нарзуллаев Мавлон — 200 кг. Пардизев Дилбар — 180 кг. Бабаева Делларон — 80 кг.

Мы думаем, что такого сборщика, как Арриф Алимарданов, больше нигде нет. Его наградили пуговкой в Артек.

Дивалтор Нарзиев,
г. Денку, школа № 2
имена Ашур-Бабаева

«Хазарбаг» — хлопковый совхоз. Со всех сторон наши дома окружены хлопковыми полями. Просе уроек мы помогаем старшине убирать хлопок. Ходим на трудовую вахту, собираем по 25—30 килограммов хлопка. А еще наш отряд собрал уже 600 кг металлолома.

Пионеры 6 класса школы совхоза «Хазарбаг»
Заид Мангашев, Юхра Кариева, Лена Жамбарова

ДЛЯ БАМА

Рисунок Толи Зинина из Рубцовска

СИГНАЛ ПИОНЕРСКОЙ ТРЕВОГИ

Дорогой БАРАБАМ! Несколько раз в году мы собираем металлолом, зату и макулатуру, но собирать в тару трудом металлолом не приносит нам ни радости, ни пользы. Когда мы его собираем, мы говорим, для чего нужен металл, что его отдадут нашим шефам, на завод металлургический. Но пройдет месяц, год, а металлолом лежит да ржавеет еще больше.

А тем хочется, чтоб наш металл приносил хоть небольшую, да пользу.
Лариса Новоселова, село Петровка Горьковской области
Горьковской областной комитет ВЛКСМ сообщает, что по письму пионеров Новоселова проведена проверка. Металлолом вывезен. Сейчас областной пионерская организация включилась в конкурс по сбору металлолома «Пионерский километр БАМА». Собрано 10 000 тонн. Этого хватит на 80 километров дороги.

ДЕТЯ ПИОНЕРСКИЕ РЕЛЬСЫ

попались слезы. Мальчик заметил нас и спросил: — Дядя, вы ранены? — Нет, сынок. А как звать тебя? — Веселюк, — ответил часовой и еще крепче прижал к щеке свою деревянную винтовку. — До сих пор не могу забыть эту стрелку.

Х. Хромова,
Азербайджанская ССР,
г. Сумгаит

ВОКРУГ СОЛНЦА БАРАБАМ

МАЛЬЧИКИ ОТВЕЧАЮТ НА ПИСЬМА ДЕВОЧЕК О ГОРДОСТИ И ДОСТОИНСТВЕ

[ср. БАРАБАМ № 3]

По-моему, нельзя девочкам быть с мальчишками холодными, резкими. Мальчишки всегда будут стараться обидеть или высмеять таких девочек. Мне кажется, что в содружии, классе села Чернорезья есть невидимая грань между девочками и мальчишками, поэтому забота девочки о мальчике так удивляет. И даже приводит к неумеренным разговорам.

Но нельзя и девочкам допускать, чтобы их обижали разными словами. Вот тут надо быть гордыми.

*Жена Северова,
г. Калуга, школа № 29*

Я, между прочим, тоже таких девочек не выношу, у которых нет гордости. Делать это берет на них. Мыслишь на уроке, а она тебе записки шлет, причем самаю глупую содерящую. Пишешь в ответ, например: «Охотуны!», а она — «кхи, кхы!» Танюк у нас в классе презират.

*Андрей Гариин,
Ленинград*

А ВЫ ЧТО ДУМАЕТЕ ОЗ ЭТОМ!

Дорогой БАРАБАМ! Я учусь в восьмом классе. В нашем классе нет никаких друзей. Мальчишки стали как-то чужие. Хотят устроить пакость даже друг другу. Однианди на уроке физикутати один мальчишка на взалл высоту. Все начали смеяться, а я, нмиво в виду мальчишки. Такого мам, девочки, от них не ожидали. Напиши, БАРАБАМ, пожалуйста, почему они сам над собой смеются, делают себя мерзкими и унижают достоинства своего товарища.

*Надя Прохорова,
г. Максеевка Донецкой области*

Отпиши на письмо Наде Пророковой читайте в следующем выпуске БАРАБАНА

ШКОЛА ВОХАТИКА

Вохатки получили из Челябинска от Ирины Ждановой две картинки, а под ними написано: «Догорайте», что здесь происходит?»

Вохатки собрали самых лучших учеников. Ученики поглядели на картинку и задумались. Самый толковый ответ дал Володя Величино из Новгорода.

Что заставило ребят думать и задуматься? Что за цветами Дед Победы Завтра празднует солдат?

Что с цветами Дед Победы Завтра празднует солдат?

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

А вы, ребята, не забудете поздравить своих знакомых фронтовиков! И в семье, и дома, и в школе, и на улице... И побольше цветов! Цветы надо заранее вырастить!

От нас, только от нас, зависит, чтобы ни один участник Великой Отечественной войны не был забыт. Обязательно напишите нам, как пройдет у вас праздник Победы.

НА ЛЕНИНСКОМ СУБОТНИКЕ

еред началом субботника каждый класс получил пакет с заданием. Работа первого — летняя классная собрала две тысячи девятсот тридцать килограммов макулатуры. Десятимиллионки работали на демонстрационном комбинате. Профсоюзные отряды посадили аллею деревьев на Малой земле. Несколько паванов каждый отряд. Когда ребята закончат школу, за платанми будут ухаживать подшефные.

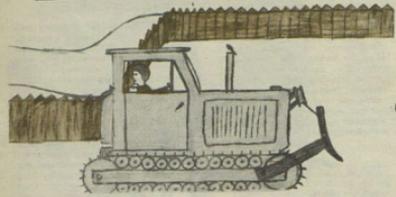
Восквде аллеи принимали участие бывшие воины-математики Еремеев Виктор Антонович, Чурилин Алексей Павлович, Смольников Иван Филиппович, Савелов Николай Григорьевич, Чернов Василий Иванович.

*Света Костенко,
журкор Дворца пионеров,
Новоросси́ск,
школа № 10,
6-й класс*

*Андрей Копытшин,
г. Чебоксары, школа № 11*

Листья
из
сева

МОЙ ПАПА — ТРАКТОРИСТ
Григорий Бры Матвеев
ст. Кудавка Красноярского края

Жданка

Ашу корову зовут Жданка. Она тихая, не бодается. Только и любит комаров и собак. Однажды с ней случилось беда. Вечером она спокойно шла домой. Вдруг из ограды выскочили две собаки. Жданка побоялась от них. Собаки загляли ее в ближайший лесок. Она зацепилась хвостом за дерево и оторвала половину хвоста.

Жданка прибегала домой вся в крови. А потом целых три дня болела, гемала. Теперь я сама хожу за ней в поле и промываю домы. Собак я не бросаю. Каждый день я даю Жданке хлеба и главу ей шешу. Посылаю тебе, БАРАБАН, фотографию Жданки.
Марина Чугуланова,
Читинская область,
село Алексеевский завод

Землю

За ручьем проснется луг,
А за лугом — речка,
И нарвет все вокруг
Солнечная пачка.

Лариса Абророва,
Калининская АССР,
ст. Лахколамен

Родничок

Бежит родничок по дорожке,
Бежит родничок звеня,
Зовет отдохнуть навзlico
Птиц, зверей и меня.

Таня Колмогорова,
4 класс, г. Кирово-Чепецк

Оформление Г. Ковенчука

ТЫСЯЧИ ИСКР

Эта книга — о газете. Под ее переплетом собраны самые интересные заметки, очерки, корреспонденции, стихи, которые в разные годы печатались на страницах ленинградской пионерской газеты «Ленинские искры». Газета издана в виде альманаха. БАРАБАН печатает две заметки из книги «Тысячи искры».

МАГАЗИН ПИОНЕРА

Войдешь в него — сразу видишь пионерский. Протираешь стоишь фанфарист. Рядом с ним — кюстер. Горит, как настоящий. Столы и стулья здесь особые — в виде барабанов.
Это первый в стране специальный пионерский магазин. Он открыт по предложению «Ленинских искр».

Летчик Таня С.,
27 февраля 1935 года

Их существует
около 60
Стало
собрать

Открыл образцово-детский парикмахерский

Привлечение артели «Кооп-парикмахер» одобрил правление учеников 17-й школы об открытии образцово-детского парикмахерского. Правление постановило открыть такую парикмахерскую со штатом лучших парикмахеров и с особым оборудованием на улице Некрасова д. № 12. Парикмахерская должна быть открыта не позже 20 ноября 1934 года.

Председатель правления

Света Самылкина живет в Игрях и сочиняет доклады и доклады. И попросил моего друга Глеба Ковенчука сделать к ним рисунок. Приглашаю и вас ребята, участвовать в «Веселой почте»!

Гостеприимный Почтарик

Забика Петушков
Бет Булашек,
Бет зверюк.
По животные решили:
«Отомстим!»
И — отомстим!

Шестиклассница Марина
Завожило унина.
Целый день играла
в прятки —
в результате
«в» в тетрадь.

Однажды Замфира Абдуллина, которая живет в бишкырской деревне Андарам, задержалась вечером в школьной библиотеке. И нечаянно подслушала...

— Помогите мне встать на ноги, подруга! —
«Что с тобой случилось?»
— Один ученик взял меня почитать и понес, размакая на ходу, держа за одну корку. Все мои странички трепались и болтались, а корка треснула и оторвалась! —
«Как же ты вернулась сюда, бедняжка!»
— Он бросил меня за лавку, да еще не прочитав. Оттуда меня извлекла его сестричка и отвела в школу. Кому я теперь нужна, такая некрасивая!»
«Кхе-кхе... Это еще

что, — раздался чей-то протонувший голос. —
«Взяли бы тебя и бросили в лужу, как меня!»
— Несчастная — наша жизнь, — заплакала еще одна девочка, — хоть в мекку лавку брось!»
«Что это вы разныкаете? — Бодро спросил кто-то. — Разве так астрочка новеньких! Приехала и я вам из типографии, чистенькая, свеженькая — так нет, все настроены испорчены!... Плассы несчастней!»
«Посмотрите, это ты заплещи, когда побываешь у читателя, — проворчала простуженная девочка. Все змоячелая!»

Эти барабашки прислал из Новограда-Вольнского юнкор Гена Выдра

Ученик, разбирая басню Крылова «Янок и Журавль», пишет: «Журавль в будущем станет в ряды борцов против крепостного права».

На уроке физики: «Метагалактика — это все, видимое с земли при помощи микроскопа».

СЧИТАЙ

Пролетал а недавно на своем зонтонете над Калининской областью. Успешно несколько забавных считалок. И записал их. А какие считалки у вас, ребята? Хотелось бы мне собрать считалки из всех краев, областей и республик нашей страны. Сделать это можно только с вашей помощью.

Любопытный Почтарик

Шел крокодил,
Трубка курил,
Трубка упала и написала:
«Шиней махал
Взял и вышел».

До-ре-ми-фа-оль-ля-си,
Ехал Шпель на такси,
Таратунка прочиталась
И бесплотно прокаталась.

Этало, Бутанка,
Афуль, фабуль,
Будале
Бус.

Чирки, микирики,
Густа, лапаста,
Лябале Булашек,
Чара миа,
Дае апынго,
Солнце, Солнце,
Бронза,
Луковка.

Раз-два-три-четыре-пять,
Вышли мышки погулять.
Вдруг раздался
«Ой страшный звон».
Мышка выбежала вон.

Ехала карета
по синему мосту.
Мост обвалился,
Карета — в ренку,
Не полудке кареты,
Не жалко моста,
А жалко царевны,
Она молодая.

Как у нас на сновале
Двае лугушки ночевали,
Двае лугушки ночевали,
На лугушке ночевали,
Утром встали, щей поевли,
А тебе водить велели.

Почтарик записал считалки со слов Лены Горюновой, Мити Пляева, Светы Сивуновой, Марии Костаревой и Светы Колыпиной из Осташковской Оим Демисской и Олега Быстрова из Торжка.

Наверняка многие видели этот снимок. 22 октября 1921 года. Бутырский хутор под Москвой. Владимир Ильич Ленин приезжал сюда на испытания электрического плуга.

О том, как проходили испытания и как попал на них сын доярки Петя Мельников — он стоит на снимке рядом с Ильичом, — вы узнаете из этого рассказа.

К. Курбатов

МАЛЬЧИК В ПАПАХЕ

Доярка учебно-опытного хозяйства Татьяна Семеновна Мельникова вернулась из коровника, когда за окнами чуть начало наливаться светом позднее осеннее утро.

Осторожно, чтобы не разбудить ребятишек, она разделась у двери, развязала стянутый у подбородка платок и опустила на лавку. Хотелось есть, и от голода слегка кружилась голова. Привычно, как после каждой дойки, гудели натруженные руки.

Взгляд женщины скользнул по сонному полумраку жилья и застыл на Петькиных сапогах. Один вконец разбитый сапог лежал на боку, второй, будто еще крепясь, стоял рядом.

«Как же так? — раздраженно подумала Татьяна Семеновна. — Ну, развалятся они завтра. В школу ведь босым не побежишь?»

Она и злилась на Петьку, и жалела его. Разве ж Петька виноват, что родился в самый трудный год, как раз когда началась война? Он тоже хлебнул лиха за свои семь лет.

А она что? Попробуй-ка вытяни без мужа троих мальцов! Чем кормить? Во что обусть? В Питере и Москве, говорят, заводы один

за другим останавливаются. Ни хлеба, ни керосина. Соли — и той нет. Лошадей не стало. Эвон какую штукюину умудрили: электричеством пахать!

Татьяна Семеновна представила себе Ленина, который должен сегодня приехать к ним на Бутырский хутор.

Подойти вот к Ленину да спросить: «Как же дальше-то, товарищ Ленин?» Но вождю мирового пролетариата только, конечно, и делов, что до Петькиных сапог. Больше ему не о чем печалиться. Нет, ни одному на свете человеку, кроме нее, нету печали, чтобы накормить и обусть ее сорванца Петьку.

Разжигая плиту, Татьяна Семеновна загремела заслонками.

Петька вскочил и уставился на мать. Спросенок волосы у него торпчилились, как иглы у ежика. Петька натянул залатанную рубашонку, торопливо сунул в сапоги ноги и волчком закружился по избе.

— Мама! — укоризненно постанывал он. — Чего же ты, мама? Просил разбудить ведь...

И, схватив серую папаху — подарок красно-

армейцев из соседнего полка, — Петька метнулся к выходу.

— Куда, шальной? — остановила его мать. — Куда же ты таким неумытым перед Лениным? А ручищи-то, ручищи! — ужаснулась она.

Петька взглянул на свои ладони. Вчера вечером бегал с мальчишками в ельник, ломал еловые лапы, чтобы украсить дорогу, по которой придет Ленин. Вот липучая смола и оставила по себе память.

Купаться Петька не любил. Но тут сам забрался в корыто и стал помогать матери оттирать себя жесткой мочалкой.

После купания мать сунула Петьке кусок хлеба. Но поесть Петька не успел: за окном раздался шум автомобильного мотора. Дожеывая в бегу хлеб и то и дело поправляя съезжавшую на глаза папаху, Петька вырвался на улицу.

Владимир Ильич приехал на Бутырский хутор вместе с Надеждой Константиновной Крупской и Марией Ильиничной Ульяновой. Весной прошлого, 1920 года рабочие 1-й Петроградской электростанции вспахали около 60 десятин своего огорода электроплугом. С тех пор Ленин внимательно следил за выпуском новых пахотных орудий. Эта работа была признана «ударно-боевой и военно-срочной». Брянскому заводу в связи с ней было даже разрешено временно приостановить выпуск бронепоездов.

Ленин пожимал встречавшего его людям руки, задавал вопросы, торопливо шагая к полю.

Под ноги Ильичу неожиданно бросился шустрый мальчуган в серой солдатской папаче. Ленин остановился, подхватил малыша на руки.

— Как зовут?

— Петя, — выпалил тот. — Петя Мельников.

— Отец здесь работает?

— Нет. Мама здесь. Дояркой. А отец помер.

Ильич напустился. Над вздувшейся губой щетки встопорщились усы. Он поставил мальчика перед собой, посмотрел на его потрепанное пальтишко, сношенные сапоги.

— В школу ходишь?

— Начал ходить.

Выступавшие ораторы говорили о том, что свободные рабочие и крестьяне России найдут в себе силы победить голод, нищету и разруху.

— И сегодня мы делаем один из первых шагов к этому! — рубил рукой воздух человек в длинной кавалерийской шинели.

Загудели лебедки. Дрог-

нул и вгрызся в землю огромный плуг. Восемь тугих черных пластов медленно вздыбились над острыми ножами.

Ленин шел рядом с плугом и не сводил глаз с темных, сочных пластов земли. Петька поспевал тут же. То заглядывая в прикрытое большим козырьком кепки ленинское лицо, то, как зачарованный, смотрел на вспаханную без конца землю.

На свежие борозды с криком слетались галки. Петька нагнулся и запустил в птиц камнем.

— Вот это ты зря, Петя, — обернулся к нему Ильич. — Пусть себе червяков клюют. А папаху у тебя откуда такая?

— Красноармейцы подарили! Я к ним кашу бегал есть, а они подарили.

Плуг дополз до лебедки, тронулся в обратную сторону. Потекли рядом со вспаханной полосой еще восемь свежих борозд. Ленина простили не подходить близко к машине. Но Владимир Ильич только отмахивался.

Петьку все время норовили оттереть от Ильича. Потому что не одному ему хотелось поговорить с Лениным.

И все же и в тот вечер и еще на другой день Петька ходил по Бутырскому хутору героем. Он в десятый и сотый раз пересказывал, как Ленин спросил у него про папаху и как не велел кидаться камнями в галок.

А еще через день в учебно-опытное хозяйство примчался из Кремля автомобиль. Шофер в скрипучей кожаной куртке вручил доярке Татьяне Семеновне Мельниковой два свертка.

— Это вашему Пете. Ленин просил передать.

В одном свертке оказались четыре новеньких учебника. В другом — пальто с черным меховым воротником, шапка-ушанка и аккуратно запакованные в плотную бумагу великолепные кожаные сапоги.

Петя Мельников, теперь Петр Николаевич, и по сей день живет в бывшем Бутырском хуторе — теперешней улице Яблочкова в Москве. Когда началась Великая Отечественная война, он служил в Красной Армии. Был трижды ранен, имеет награды.

Петр Николаевич — слесарь. На ткацкой фабрике имени Петра Алексеева, где трудилась до пенсии его жена Елизавета Александровна, теперь работает старшим мастером их дочь Галина. А другая дочь — Тамара — мастер одного из московских заводов. Подрастает внук Валера, который с гордостью рассказывает, как однажды его дедушке-первокласснику прислал подарок сам Владимир Ильич.

Петр Николаевич
Мельников
Фотография 1975 года

ТРАССА

Георгий Ковенчук

ПИСЬМА К СЫНУ
С БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ
МАГИСТРАЛИ

Дорогой Лёша! Пишу тебе из поселка Березовый, это в ста пятидесяти километрах к северу от Комсомольска.

Железные дороги, по которой я сюда приехал, пока на карте нет, она принадлежит березовскому леспромхозу, но в будущем выйдет в БАМ. Пока по дороге ходят товарные поезда, груженные лесом, да раз в сутки пассажирский, состоящий из пяти довоенных вагонов. Поезд отходит от станции Комсомольск-2 в шесть вечера, а приходит в Березовый в два часа ночи. Вагоны везет современный тепловоз, но везет очень медленно, потому что линия не приспособлена для высоких скоростей. Ехал я и вспоминал детство, когда в таких же вагонах ездил на дачу в Сиверскую. Мимо окон проплывали сопки, за неделю они сильно пожелтели. Пока я смотрел в окно, незаметно в вагоне загорелись неяркие лампочки и пассажиры стали устреваться на короткий ночлег.

В Березовом я без труда отыскал дом для приезжих, а рано утром отправился в штаб изыскателей восточного участка БАМа. Штаб помещается в сборном щитовом домике. Внутри настоящая городская квартира, похожая на нашу, три комнаты и кухня. Большие окна, светло. Такие домики делают специально для БАМа, их вертолетами доставляют в тайгу. В одной из комнат — кабинет начальника штаба, или, вернее сказать, начальника геодезической партии Александра Сергеевича Ганжи. Ганжа — заслуженный геодезист, известный на Дальнем Востоке. Над его столом висит карта восточного участка с подробным наименованием всех речушек на всем протяжении трассы в шестьсот сорок километров до будущего города Ургал. На трассе работают несколько отрядов, ближайший из них в пятидесяти километрах отсюда. В отряде — семнадцать человек, живут они в палатках на берегу таежной речки Ясинки. Изыскатели должны до конца лета разбить трассу и прорубить просеку расстоянием 75 километров до будущей станции Эанг. Ганжа показал мне этот пункт по карте. На БАМе работает много таких отрядов, и постепенно все участки трассы Байкало-Амурской магистрали сольются воедино. Сначала всю трассу исследуют с воздуха. Над глухой непролазной тайгой летают вертолеты, с них делают аэрофотосъемку. Полученные фотографии изучают геодезисты. Они решают, где лучше всего проложить трассу. Спорят, прикидывают несколько вариантов и выбирают самый, как они выражаются, оптимальный. После этого на вездеходах, машинах или пешком с проводниками пробираются изыскатели по тайге. Недаром этих людей называют первопроходцами. Пока геодезисты еще только рубят просеки, архитекторы уже проектируют города, которые тут будут построены, и точно знают, сколько в каком городе будет жителей.

Александр Сергеевич так интересно рассказывал, что мне побыстрее захотелось попасть в этот лагерь. Поеду я завтра утром на машину, которая повезет туда хлеб.

Рано утром меня разбудил телефонный звонок. Я услышал голос Ганжи:

— Через час машина. Жду вас у себя.

Перед штабом стояла трехтонка, до середины кузова крытая брезентом. Александр Сергеевич отдавал свои последние распоряжения ехавшим в лагерь, а вокруг машины бегал и скулил большой мохнатый пес. Оказывается, он хотел ехать вместе с нами, и когда ему крикнули: «Волчок, прыгай!» — одним махом прямо с земли прыгнул в кузов, и нас стало четверо. В кузове ехали еще два бородатых студента из отряда, а в кабине вместе с перепоясанным охотничьим патронташем шофером Борисом сидел старший инженер Москвичев. Дорогой нас сильно трясло, машина то и дело буксовала в глубоких рывтинах. Посреди кузова на широко расставленных лапах стоял Волчок и задумчиво глядел вдаль. Он, вероятно, привык к такого рода передвижениям и получал от этого удовольствие. Волчок походил на старого бывалого «морского волка». Через некоторое время мы тоже последовали примеру Волчка и ехали стоя, держась за верх фургона. Машина шла по насыпи, построенной еще в годы войны. По бокам насыпи — желтеющие березы, и все это напоминало бы парковую аллею, если бы только местами насыпь не проваливалась в топкую трясину. В такие моменты наш грузовик превращался в настоящую амфибию. Когда особенно

Лёша

Володя

Наша трёхтонка

сильно трясло, Волчок прижимался к моим ногам своим шерстяным боком, и я ощущал его ребра.

Трудное дело прокладывать дорогу в таких местах: болота, комары; зимой сильнее морозы — и все это на фоне изумительной красоты.

Часа через два у дороги показался небольшой деревянный дом с четырехскатной крышей. Тут живет со своей семьей старый звеницкий охотник Николай Афанасьевич Иванов. Про него мне рассказывал Гаижа и просил передать старику фотографии, на которых они вместе сняты. Мы остановились около дома. Нас встретили приветливые хозяева. Николай Афанасьевич сходил в дом за очками и с интересом начал разглядывать фотографии, а потом передал их жене. Вместе со стариками живут двое сыновей, Володя и Вася. Хозяева предложили мне остаться до следующего дня у них, а завтра проводить в лагерь, тем более что завтра Володя как раз туда собирается на оморочке. Машина вскоре поехала дальше, а я остался в гостях у Ивановых. Жену охотника зовут Татьяна Тарасовна, ей 77 лет, сколько лет самому Николаю Афанасьевичу, не знает никто. Сам он уже на протяжении нескольких последних лет утверждает, что ему пятьдесят пять и при этом лукаво улыбается. Вид у старика довольно бодрый, и, возможно, он выглядит моложе своего настоящего возраста, но лет ему все-таки не мало. Сыновья сказали, что у старика есть еще сын, которому скоро шестьдесят.

У Ивановых небольшое хозяйство. Николай Афанасьевич с сыновьями летом ловят рыбу, а зимой охотятся.

Хозяева усадили меня обедать, а после обеда мы с Васей и Володей спустились к реке. Река называется Амгунь. Шириной она чуть больше нашей Фонтани, но очень извилистая и быстрая. У снука на берегу лежали кверху днищами две выдолбленные из целого ствола лодки-оморочки, на судке рябины висел закопченный чайник. Мы сидели на перевернутой лодке. Из-за лесистого мыса едва доносился до нас какой-то неясный шум, было похоже, что по железнодорожному мосту идет бесконечный поезд. Это шумела река на каменистом перекате. Я подумал: пройдет время и так зашумят в этих местах настоящие поезда...

Вечером мы допоздна сидели за столом, в центре которого возвышалась керосиновая лампа. На стенке комнаты я приметил замусоленный отрывной календарь за 1972 год, листки календаря заправляются за специальную резиночку. Дни недели, видимо, для хозяев не имеют особого значения. Мы разговаривали и пили крепкий чай с теплыми белыми лепешками и красной икрой.

Погода с утра была серая, похожая на ленинградскую. Сопки еле просвечивали сквозь туман. Сразу после завтрака мы с Володей отправились в лагерь. На прощание Николай Афанасьевич мне подарил свою самодельную трубку с длинным мундштуком из бузины.

Вверх по течению идти на оморочке трудно, особенно в мелких местах, поэтому я часто вылезал из лодки и шел рядом, — вот где мне пригодились резиновые сапоги. По пути Володя рассказывал, какие бывают тут рыбы.

— Хочешь посмотреть, как идет кета! — спросил он, когда мы были уже на берегу. Мы забрались на вершину обрыва и посмотрели на реку.

— Смотри! Смотри! — кричал Володя. — Вот они, видишь!!

Сначала я ничего не мог разглядеть, а потом увидел, как у самого берега, где просвечивает галька, медленно плывет здоровенная рыбина, а следом за ней еще две. Сверху были видны только их черные спины. Рыбы были большие, как овчарки, как наша Габи, и хвостами виляли по-собачьи.

— Устали, — сказал Володя, — издалека плывут.

Пройдя немного, мы оказались в лагере. На берегу таежной речки Ясинки четыре палатки. Под длинным толевым навесом стол, в конце стола сложенная из кирпичей плита, рядом аккуратная поленища березовых дров. На черном листе толя, свисающем с навеса, надпись белой масляной краской — «ХАРЧЕВНЯ ТРЕХ ЧЕРТЕЙ». Около столовой собралась все изыскатели, они только что вернулись с трассы и ждали обеда. Все они в свитерах, брезентовых куртках, резиновых ботфортах, лица веселые, загорелые. Володя тут был свой человек. Очень мне понравился парторг отряда Петр Федорович Храмов. Это опытный геоде-

У Ивановых

Дорога в лагерь

В лагере изыскателей

зист, проложивший за свою жизнь не одну трассу. Петра Федоровича все тут любят. Молодежь называет его дядя Петя. Дядя Петя — заядлый фотограф, он хочет создать фотолетопись отряда, начиная с самых первых его дней. Во время войны он был мотористом в полку «Нормандия — Неман».

После обеда меня пригласили в командирскую палатку. В ней живут дядя Петя, старший инженер Москвичев и Валерий Зуев, он недавно закончил ЛИИЖТ и все расспрашивал меня про Ленинград. Посредине палатки на кирпичном фундаменте натопленная железная печка, труба уходит в палаточный потолок. На стене — большая карта Хабаровского края, на которой красным карандашом прочерчена трасса Березовый — Ургал. У стен — раскладушки со спальными мешками, возле окошек с тесемчатыми перелпетами — рабочие столы. На столах — рулоны чертежей, готавлины, линейки, теодолиты, арифмометры. На травяном полу какие-то ящики, полосатые рейки, топоры, пила «ДРУЖБА».

О науке геодезии я имею очень туманное представление. Конечно, я слышал про теодолит, нивелир, видел в Ленинграде людей с краснобелыми, похожими на шлагбаумы рейками. Обращал внимание, как люди смотрят на эти рейки в аппараты, установленные на массивных штативах, слышал про экспедиции, которые уходят в «ПОЛЕ», но вникнуть в суть этого дела мне как-то не приходилось. Я попросил хозяев палатки рассказать, в чем заключается работа геодезистов.

Постараюсь коротко написать тебе, что я понял.

Самые главные геодезические инструменты — теодолит и нивелир. Если теодолит вымеряет углы горизонтальные, то есть углы, которые образует дорога на плоскости, то нивелир вымеряет вертикальные углы, которые образует рельеф местности, где проходит дорога.

Сквозь оптику этих приборов геодезисты смотрят на полосатые двухметровые палки — вешки. Вешка имеет десять делений — пять белых и пять красных, ширина каждого — 20 сантиметров. Существуют еще рейки с цифрами, раздвигающиеся наподобие логарифмических линеек. Но как ими пользоваться, я не понял. И еще очень важный инструмент — свертывающаяся в рулетку стальная линейка. Длина ее бывает до пятидесяти метров.

... *Сегодня* с утра отправился на трассу. В кузове разместились все изыскатели со своими штативами, рейками, вешками, теодолитами, пилами и топорами. Отряд ведет работу сразу на двух участках. Одна группа под руководством Зуева делает разбивку трассы в районе будущего разъезда САНАХ. Свое название разъезд получил от реки, что протекает в тех местах. Вторая группа, которой руководит Москвичев, работает на «ПРИЖИМЕ». Прижим это такое специальное слово, обозначающее место, где дорога идет над крутым берегом или над пропастью. С одной стороны дороги обрыв, а с другой — отвесная гора, вот и называется такое место «ПРИЖИМ». Прижим это всегда очень сложный участок. Изыскателям нужно точно рассчитать объем работы строителей, решить, как укрепить берег, чтобы он не осыпался, и не лучше ли в этом месте прорыть туннель. Много будет на БАМе таких прижимов, много туннелей, много мостов. Железная дорога пройдет там, где сейчас сплошные леса, болота и горы.

Завтра из Березового приезжает Ганжа. Ему предстоит проехать по новому участку трассы и окончательно убедиться, что этот отрезок выбран правильно. За выбор трассы отвечает начальник партии...

Вечером мы сидели под навесом «Харчевни трех чертей» и пили чай. Большое ведро с чаем стояло на плите, и мы зачерпывали прямо кружками. Вокруг темно, на небе яркие звезды, прохладно по-осеннему. На лицах блики от пылающих в печке поленьев, а из наклонной, прикрепленной проволокой к навесу трубы, как из огнемета, вылетают искры и сливаются с звездами.

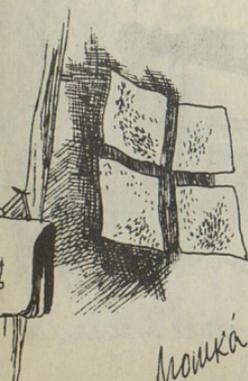
... *Опять* были на Санахе. К концу рабочего дня изыскатели должны были пройти до «ТРУБЫ», так называются небольшие железнодорожные мостики через ручьи и речушки, которые тут в изобилии.

Пока геодезисты были заняты на трассе, шофер Борис предложил

На трассу

В палатке

Машка

мне пойти в тайгу. „Пойдем, не пожалеешь“. „Еще бы пожалеть“, — сказал я.

Мы отехали несколько километров в сторону «трубы», оставили машину на обочине и, перейдя насыпь, углубились в лес. Борис с ружьем шел впереди меня, а я сзади, с фотоаппаратом.

— Посмотри, вот она, знаменитая черная береза, — позвал меня Борис, — очень редкое дерево.

Среди других берез я увидел обыкновенную, такую же, только черную, будто смотришь на нее сквозь очень темные очки.

Вдруг Борис наклонился и стал что-то рассматривать в траве.

— Смотри, это следы муравейника.

Я не понял, о каком муравейнике он говорит. Оказалось, что так называют здесь небольшого черного медведя. Днем медведь разоряет муравейники, а ночью в них спит.

— А его они не кусают! — спросил я Бориса.

— Ночью-то муравьи тоже спят, — ответил Борис. — А он тут совсем недавно был, — может быть, и сейчас за нами наблюдает. Любопытный медведь никого в тайге нет.

Я подумал, что в таких случаях, наверное, полагается пугаться, но никакого страха почему-то не испытал. Наоборот, мне даже интересно было увидеть медведя для полноты таежных ощущений. А потом, все-таки рядом со мной Борис.

Долго мы еще бродили по лесу. Медведь так и не появился. Время приближалось к двум часам, мы начали пробираться к дороге.

Наша встреча с геодезистами была назначена в три часа у «трубы».

Я решил посмотреть эту «трубу». С невысокого ограждения моста было видно, как по ручью несутся желтые листья и исчезают в большой бетонной трубе. Я перенулся через перила и заглянул внутрь. Там был полумрак, на сырых, покрытых мхом стенах виднелись имена строителей, начарпананные еще по незавершенному бетону...

В Комсомольске мне говорили, что Амурский мост — одно из многих мостовых сооружений БАМа. Конечно, не все мосты будут такие, как Амурский, в их число входят и вот такие «трубы», но даже самый маленький железнодорожный мост построить не так просто.

Перед тем как спроектировать небольшой мостик, ведется серьезная исследовательская работа. Подумай, построили мост через ручей, проходит какое-то время, вода в ручье прибывает, поднимается, и ручей превращается в полноводную реку. Мост затоплен. Чтобы такого не случилось, строители изучают характер каждой речушки, каждого оврага, не говоря уже о больших реках. Они просматривают документы, письма, газеты, встречаются со старожилами. Нужно узнать, какой бывает самый широкий разлив реки, на сколько поднимается вода. И узнать надо не за какие-нибудь двадцать, тридцать лет, а за последние ТРИСТА!

Вот что такое даже самый маленький мостик.

... Когда я вчера лежал в палатке, то перед тем, как заснуть, все время думал об этой своей поездке. Я думал о том, что скоро вернусь в Ленинград, и месяц, проведенный здесь, будет казаться удивительным сном.

А сейчас я уже в самолете. В моем чемодане каска строителя Амурского моста, нашивка с куртки изыскателя Байкало-Амурской трассы, трубка старика-эвненка и букет из таежных веток, прикрученный к папке с рисунками.

Летим уже больше четырех часов, а под нами одна и та же картина — бесконечные зеленые волны сопок. Я даже вспомнил песню:

Под крылом самолета о чем-то поет
Зеленое море тайги...

А вот показался Байкал. Все пассажиры смотрят в иллюминаторы. Где-то тут внизу работают изыскатели западного участка БАМа, где-то тут знаменитый поселок Звездный...

Еще несколько часов — и я с тобой увижусь и сам вручу тебе это письмо.

Валерий Зуб на трассе

Сергей Осипенко
рубит просыку

Володя Рожков
за вычислениями

Щенок Бам

шофёр Борис Зорин

ЛЕНИН ВЕРИЛ

В КУРСКОМ РУДУ

Поздней осенью 1918 года в голодную и нетеплую Москву приехал из Германии некто Штейн. Он встретился с народным комиссаром торговли и промышленности Леонидом Борзовичем Красным и предложил Советскому правительству материалы покойного московского профессора Лейста — планы и карты возможных залежей железа под Курском, так называемой Курской магнитной аномалии. Это были результаты двадцатилетних исследований Лейста в Курской губернии. Сам Лейст скончался летом в Германии, куда приехал лечиться, а его материалы Штейн готов продать Советскому правительству...

Заграница Курской магнитной аномалии. Еще в конце XVIII века профессор Исаацеллер первый заметил, что в Курской губернии магнитная стрелка не указывает на географический полюс земли, а сильно, как ни в одном другом месте, отклоняется. Слово «аномалия» и означает отклонение.

И вот через сто лет профессор Лейст пришел к выводу: недра курской земли богаты железом. Вспомнил Красному Брест, где в начале 1918 года он участвовал в мирных переговорах с Германией. Среди именства кабальных дел Советской России условия германский генеральный штаб требовал отделить Курскую губернию и включить ее в состав будущей самостоятельной Украины. Видимо, германские промышленники знали о богатых курских рудах и намеревались прибрать их к рукам.

Очень нужны были молодой Советской республике железные руды. Но Штейн завысил за материалы Лейста непомерную цену — пять миллионов рублей золота.

По совету Владимира Ильича Лениным нарком Красный приказал узнать, можно ли покупать материалы Лейста? И получил категорический ответ: не нужно! Ученые сами производят магнитную съемку и выполнят ее тоньше и быстрее, чем это сделал Лейст. И обойдется это куда дешевле, чем покупка материалов Лейста.

К началу лета 1919 года геофизик академик Лазарев организовал экспедицию для изучения Курской аномалии. Кораблестроитель академик Крылов рекомендовал морским специалистам — магнитологам и помог получить на флоте необходимые приборы.

Погрузив ценное оборудование в теплушку, поисковая партия — девять человек — двинулась по путям, забытым военными поездами, в Курскую губернию.

Работать было трудно. Голодно, фронт рядом, свирепствует сильнейший ураган. И крестьянам приходится объяснять: мы — геологи, отбирать у вас землю не намерены.

И все-таки изыскания шли своим чередом. К 1920 году геологам уже исполнилось поисковых партий. Можно было доложить в Москву: предположить Лейста подтверждается.

В этот последовали новые указания: ускорить поиски! Разрешить район исследований Тальпер изучением КМА (так сокращено название Курскую магнитную аномалию) руководителем особая комиссия. Ее возглавил профессор Иван Михайлович Губкин, талантливый горный инженер, один из тех, кто сразу увидел ленинскими планами восстановления хозяйства страны.

Советское правительство привлекло исследование КМА к важней-

шим и первоочередным работам, а это означало — снабдить всем необходимым в первую очередь.

В 1921 году настало время взглянуть в курские недра, нечуть бурные сванки. Но где взять буровой станок? Владимир Ильич договорился с нефтяниками города Грозного, и они отдали станок для такого важного дела.

В особом вагоне, под охраной, буровой станок двинулся в дальний путь. Состав приближался к Ростову, когда на него напали бандиты. Они разгромили вагон со станком и расстреляли трех человек из охраны.

Другой поезд с буровым оборудованием так и не дошел до Курской земли. Чуть-то заваля волк загнал его в Тифлис.

Бурить начали летом 1922 года.

Очень скоро геолог отметили: чем глубже уходит бур в скважину, тем сильнее намагничивается его долото. Вернувшись с глубины 160 метров, оно уже притягивало железные предметы весом до 38 килограммов. Видно, железо залегало близко. Но образцов железной руды еще не было. Геологам с нетерпением ждали заветной породы. И впрямь, с еще большим нетерпением ждал радостного известия Владимир Ильич.

Наконец, долото встретило долгожданный твердый пласт. Его еле-еле удалось пробурить. Но потом снова пошла глина и мягкие породы... Некогда недавним друзьям КМА заварились: может быть, там и вовсе нет железных руд!

А долото снова удержилось в толщу твердой породы. Такой твердой, что пришлось применить алмазную, самую крепкую коронку.

Владимир Ильич между тем спрашивал: не пора ли провести узкоколейку к месту работ? Не пора ли строить электростанцию?

Карту КМА и материалы исследования Крайя в своем кабинете директор биофизического института академик Лазарев — руководитель разведки курских недр.

22 апреля 1922 года в институт приехал Владимир Ильич. После зловещего покушения на жизнь Ленина, а его плече отслаивал пуля, и нужно было сделать рентгеновский снимок. Но прежде всего Ленину хотелось увидеть карту КМА. Он рассматривал ее во всех подробностях, его интересовало все: приборы, методы, результаты выводов. Каждый ответ Лазарева вызывал новые и новые вопросы Владимира Ильича.

Нарком здравоохранения Самойлов напоил Ленину, что пора сделать снимок. Но Ленин рассердился и распространял Лазарева. Видя историческое мгновение в будущем обеспечит страну запасом металла!

Ленин верил в успех КМА. Писал: «Почти доказано, что мы имеем там несравненно богатый запас чистого железа».

В апреле 1923 года горняки привезли в дар Ленину образец курской руды. Но Владимир Ильич уже был тяжело болен. Летом того же года академик Губкин побывал на местах разработки КМА и попросил Нарквуду Константиновну передать Владимиру Ильичу альбом фотографий, изображающих наиболее важные работы на Курской магнитной аномалии. Видел Ленин, по словам Губкина, был уверенным другом и защитником КМА.

И. Владымирская

Руду на Курской магнитной аномалии обычно добывают открытым способом. Попада, содержащими мезелю, удавал, пока не дождут до руды. Это удобно — не нужно прорывать глубокие шахты.

Верхний черепной слой безруко символико: пусть на новых местах он даст богатый урожай. Глина, песок, мезелю, содержащие строительные материалы, ими тоже распоряжаются по-хозяйски.

Человек заставил работать и воды подземных рек и озер, которые на КМА много. Сильная струя воды из водной пушки срывает огромные слои породы.

Добутую руду сразу же обогащают — отделяют нечистые породы, чтобы содержание железа было выше, доброт, измельчают и отправляют на завод.

Хозяйство богатейших комбинатов очень важно — экскаваторы, драблины, экскаваторы, бункеры, конвейеры, туннели. Много сложных машин, механизмов и агрегатов.

На добычу курского железа работают более двести тысяч человек, управляющих сложной техникой. Оборудование поступает из социалистической и зарубежных стран.

С северо-запада на юго-восток просторятся как бы подвешенные в воздухе, содержащие железную руду, длиной более 800 километров, шириной около 200. На площади КМА — 100 квадратных километров — может разместиться такое государство как Греция.

Залеасы железной руды огромны — триллионы тонн. На этой карте обозначены пять местоположений. В некоторых руды залегают близко от поверхности, на глубине 50 метров, в других уходит вглубь до 800 метров.

Оборужение Н. Андреева

Сундучок,

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОЛШЕБСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Рисунки М. Беломлинского

Рассказ бывшего обер-лейтенанта германской императорской авиации, а ныне представителя коренного населения атолла ГФ-39 Германа Николаевича Фогеля

В конце лета 1914 года молодой сорокалетний российский подданный Герман Николаевич Фогель-Кукушкин лечил невралгию на купаниях в Баден-Бадене, когда произошла первая империалистическая война. Герман Николаевич был интернирован германскими властями. Власти насильственным путем лишили его русской половины фамилии, объявили немцем, засадили за руль «альбатроса» и приказали: — Фогель, летай!

«Альбатрос» решил все дело. Молодой человек был весьма увлечен этим новым летательным аппаратом и дал себя вовлечь в братоубийственную войну. Конечно, в русские войска Герман Николаевич не стрелял, а просто себе летал на своей мощной машине и бомбы сбрасывал в облюбованное им болото в трех верстах к северу от Перемышля. Как вдруг за ним стал гоняться русский летчик, по сведениям разведки, поручик Четверкин. Герман

Николаевич был вспыхивавший сорокалетний молодой человек, и его раздражало, что ему мешают летать. Сначала они только грозили друг другу кулаками, а потом стали садиться друг другу на хвосты, и вот однажды хитроумный Четверкин швырнул в Германа тюк горячей пакли.

Оказавшись в болоте, Фогель было уже обрадовался возвращению на родину, как вдруг германская армия начала наступление и вытаскала его из болота. Он был награжден серебряным крестом и отправлен на Западный фронт. Здесь он однажды стал свидетелем газовой атаки. Зрелище человеческих страданий настолько глубоко поразило Германа Фогеля, что он решил раз и навсегда порвать все связи с цивилизацией, которая, по его наивному размышлению, была виновницей этих кошмаров. Он дезертировал из армии и пробрался в Аргентину, оттуда — в Чили, из Чили — в Перу и, наконец, в Перу он попросил капитана китобойца найти ему в океане необитаемый атолл, чтобы там он мог встретить закат своей жизни. Он думал о закате жизни, потому что сразу после газовой атаки превратился из молодого сорокалетнего человека в пожилого сорокалетнего человека.

Закат его жизни, как видим, значительно растанулся. Китобоец высадил его на этом никому неизвестном атолле в середине 17-го года, и годы потекли, как мелкие волны в лагуне, когда за рифовым кольцом бушует шторм. Он потерял им счет. Ничто уже не связывало его с современной цивилизацией. Больше двадцати лет он вообще не видел ни одного цивилизованного человека, но однажды, как потом выяснилось, в октябре 1939 года, рядом с атоллом вынырнула из глубин японская подводная лодка. С лодки высадились моряки и взялись устраивать на атолле что-то военное. Тогда и появилось в лощих обозначение «атолл ГФ-39», но никто не знал, что это инициалы отшельника. Моряки построили на атолле радиостанцию и начали было уже скучать и отрываться от цивилизации наподобие коренного населения, т. е. Германа Фогеля, как вдруг — неизвестно, сколько времени прошло — горизонт стал раскалываться военными сплоскими, и в этих барговых просветах стали появляться силуэты боевых кораблей. Прошло еще какое-то время, и однажды ночью моряки покинули атолл и оставили свою рацию Герману Фогелю. Перед уходом они долго втолковывали ему, что он — их ближайший союзник в нынешней войне, но Фогель настолько оторвался от цивилизации, что не очень их понял.

Рацией, однако, он начал пользоваться, вначале только чтобы слушать музыку, а потом стал членом международного клуба коротковолновиков. Фогель проводил последующую череду лет по-прежнему в полном одиночестве, но теперь он все же был в курсе мировых событий жизни всего остального человечества. Конечно, у него было весьма своеобразные представления о новых явлениях современного ми-

ра. Как слепой с рождения человек по-своему представляет себе всякий предмет, о котором слышит, так и одинокий островитянин по-своему представлял себе такие явления современной жизни, как например, «освоение космического пространства» или танец твист. К тому же аккумуляторы радиостанции начали «садиться» и связь с внешним миром вновь начала слабеть, о чем, надо сказать, Герман Фогель далеко не всегда жалел.

И вот недавно одно из явлений современного мира явилось на атолл ГФ-39 и продемонстрировало себя во всем великолепии. Это было далеко не лучшее явление и имя ему — «мафия».

Их было человек десять. Они выпрыгнули из вертолета и пошли к Фогелю, побрякивая своими брелоками, браслетами, талисманами, пистолетами, наручниками, кастетами, кинжалами, подметая пляж клешами немислимой расцветки и поблескивая своими золотыми зубами и солнечными очками. Впереди шла женщина редкой красоты.

— Фогель? — коротко спросила она, и тут же гигант-островитянин потерял сознание.

Очнувшись он связанный на полу своей хижины. Мафиози набросились на него с вопросами о каком-то сундучке, в котором что-то стучит, и о флейточке из дерева «сульп». Он ничего не понимал и, стиснув зубы, переносил мучения.

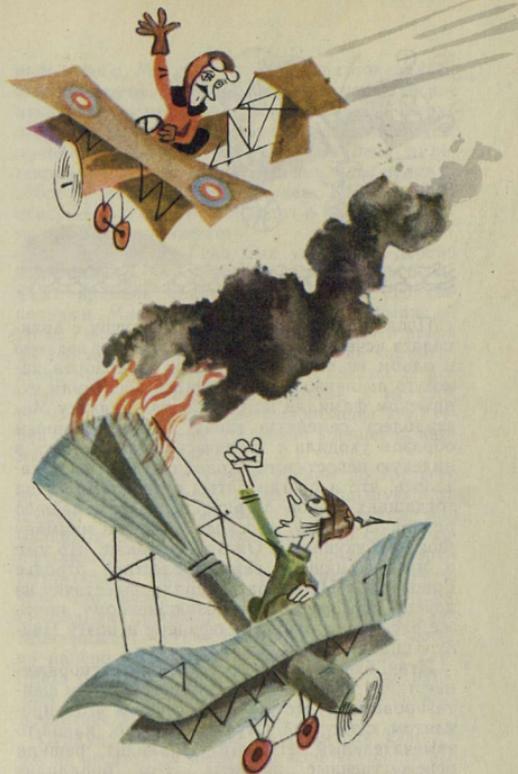
Наконец, они отшвырнули его в угол и перестали обращать внимание. Один из бандитов приколот к стене карту мира и поставил крестик прямо в середине океана, там, где предполагался необозначенный атолл ГФ-39. На карте уже было несколько крестиков — в Европе, Северной Америке и на острове Маврикий.

— Итак, с Фогелями покончено, — жестким голосом сказала женщина редкой красоты, — остался один Кукушкин. Сундучок, безусловно, находится здесь!

И она своим до странности неприятным пальцем ткнула в родину Германа Николаевича Фогель-Кукушкина, в дельту реки Невы, в город Санкт-Петербург, нынешний Ленинград. Бандиты начали громко обсуждать свои планы, подкрепляясь колоссальными дозами виски и джина, выгруженных из вертолета. Скоро обсуждение планов стало напоминать настоящую вакханалию. Они не обращали никакого внимания на своего еще живого пленника. Герман Фогель понял, что он приговорен. Островитянин не особенно боялся перехода в мир иной. За долгие годы одиночества на атолле ему даже стало иногда казаться, что этот переход не принесет ему существенных изменений. У него уже сложилась психология первобытного человека. Сейчас он лежал связанный в углу хижины и слушал пьяные выкрики мафиози. Из этих выкриков постепенно сложилась для него картина преступления.

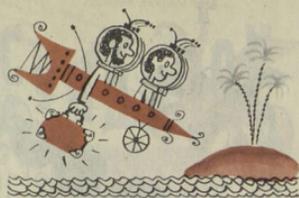
Вот как она сложилась в представлении измученного пленника.

На каком-то отдаленном архипелаге существовала легенда, что в незапамятные времена

там приземлился космический корабль из созвездия Кассиопеи. Кассиопейцы постепенно в течение веков одичали, но перед тем как одичать, они укрыли где-то на архипелаге свои сокровища, стоимость которых даже нельзя подсчитать земными цифрами.

Затем столетий эдак триста—пятьсот назад на архипелаг приплыл на своем катамаране прародитель Еон с тремя сыновьями — Мисом, Маком и Тефя. Хитрый прародитель подобрал ключи к кассиопейским сокровищам, но вместо того чтобы любезно оставить эти ключи нынешним бандитам, укрыл их в каком-то таинственном сундучке, внутри которого что-то всегда стучит. Сундучок был изготовлен Еоном из дерева «сульп», легендарного растения, которого никто никогда не видел, и открывался он только флейточкой из этого же легендарного растения. Сундучок и флейточка передавались потомками Еона из поколения в поколение и так докатились до XIX века, когда на архипелаг совершила набег пиратская эскадра адмирала Рокера Буги. Тогда разгорелась жуткая битва, решающее слово в которой сказал русский клипер «Безупречный», отогнавший пиратов от архипелага и потопивший их в просторах океана.

После этой роковой битвы судночек с архипелага исчез, затихла и легенда. И вот недавно в одном из винных погребок Оук-Порта какой-то пьянчужка, оказавшись последним отпрыском фамилии Еон, выболтал бандиту Мизераблусу семейную тайну. Тайна страшным образом уходила с тропического архипелага в далеком непостижимо холодную Россию. Оказалось, что в разгар битвы с пиратами глава тогдашних Еонов Маркус передал семейную реликвию вращающегося клипера анималу Фогель-Кукушкину. Оказалось также, что уже в начале нашего века престеленные отродье Еонов юная Никвора подарила флейточку из дерева «сульы» своему возлюбленному, опять же русскому, молодому офицеру и поэту Павлу Кошкинову.

Итак, бандиты, заполучив в свое распоряжение тайну благородного семейства, стали фантазировать — что же там стучит в этом проклятом судночке? Стучит, конечно, какой-то замечательный атомный бриллиант, решили нежеженственные бандиты. Этот бриллиант можно толкнуть в Лондоне или Нью-Йорке миллиончиков за десять и погуляваться в свое удовольствие «Вам лишь бы толкнуть и погуляваться», — сказала их предводительница, — а между тем, захватив невиданные космические сокровища, мы можем стать властелинами мира».

Эта дама редкой красоты и коварства собрала информацию и разработала план. Она выяснила, что фамилия Фогель-Кукушкиных распалась, что многие Фогели разделились по разным странам. Мафия пустилась на поиск ничего не подозревавших мирных Фогелей и отменяла косыми крестиками на карте следы своих преступлений. Последний крестик они поставили на атолле ГФ-39. Теперь они взяли на мушку ленинградского Кукушкина.

Герман Николаевич вдруг вспомнил дом своего двоюродного брата, четырехчлениый дом на Екатерининском канале возле мостики, который держали в зубах четкие лая с золотыми крыльями. Более того, он вспомнил портрет своего предка, флотского лекаря, висевший возле каминя, и фоллант его дневника. Более того, обстреливаясь от переживаний и физических мучений память обнаружила в своих глубинах и маленький желтый судночек с таинственной монограммой. ...Так вот, значит,

что! Значит! Значит! Бандиты вышли на правильный след! Герман Николаевич стиснул зубы и дал себе слово помешать злодейским замыслам. Когда бандиты затихли, он перегрыз зубами свои пути, выполз из хижинки, добрался до оружейного склада, оставленного на атолле японскими моряками, и стал забрасывать свою хижинку гранатами и обстреливать ее светящимися пулями из пулемета.

Началась великая паника. Бандиты оказались трусами. Они не приняли боя и, кое-как отстреливаясь, ринулись к своему вертолету. Фогель не успел подстрелить вертолет, бандиты скрылись.

Что делать? Как сообщить в Ленинград о грозившей опасности? Что там в этом судночке — материальные или культурные ценности, — это неважно. Важно, что он стал целой мафии, а это повлечет за собой цепь преступлений.

Герман Фогель развернул свои таблицы. В них значились имена и позывные сотен радиолубителей, с которыми он собирался установить контакт, пока аккумуляторы его станции не выдохлись. Вскоре он нашел в таблицах нескольких ленинградцев и среди них ленинградского коротковолновика Геннадия Стратофонта.

Стратофонто! Это имя всплыло, как молния, в ожившем от снайки мозгу островайтвиана. Да ведь это же потомок командира моего предка — капитана первого ранга Стратофонта, человека широких прогрессивных взгля-

дов. Он вспомнил даже эпизоды своего петербургского детства, и вспомнил, с каким уважением, если не благоговением, произносилось за семейным столом фамилия Стратофоновых.

Герман Николаевич составил тогда радиогамму.

Он послал эту радиогамму в эфир, пока не погасили последние огоньки в его рации...

Члены экипажа зурбаганского лайнера и два молодых леопарда с удивлением следили за действиями юного мальчика, которого они уже успели увидеть и полюбить. Геннадий Стратофонто, весь во власти своей интуиции, стоял, прижавшись ухом к телому, чуть ли не горячему боку дерева «сульы», а пальцами правой руки держал свою левую руку за пульс. Губы его слегка шевелились, он явно считал. Пульс-сульы, пульс-сульы. Эврика! Счет пульс и счет ударов в глубине таинственного дерева совпадали! Это таин-

ственное дерево обладало таинственным свойством — это было дерево-резонатор! Так вот, значит, что стучит в глубине легендарного судночка — собственный пульс человека, который присоединят к нему свое ухо. Пульс, услышанный особыми резонаторными свойствами деревянной ткани! Гена обомшел дерево вокруг. Пожалуй, прогулка вокруг основания Останкинской телевизионной башни заняла бы не намного больше времени. Он еще раз посмотрел вверх. Дерево было прямым и каким-то устремлен-

ным в небо. Могучие ветви и кора показались вдруг мальчику чем-то посторонним. Невероятная мысль мелькнула в его голове: а вдруг это дерево суть та самая ракета каспийцев, превратившаяся за бесчисленные васы в легендарное дерево «сульы»? Гена улыбнулся и отбросил эту невероятную идею. Какие только невероятные идеи не приходят в голову в период переходного возраста!

В одном лишь Гена был уверен — дерево это помнило стародавние имена, может быть, даже времена прауродителя Еона с его сыновьями Мисом, Маком и Тефя. Думая об этом, Гена вдруг обнаружил, что «идет» вверх по дереву. Именно идет, не лезет, не карабкается, а идет, потому что под его ногами не что иное, как ступени, выдолбленные в могучей коре. Когда? Когда были выдолблены эти ступени? Они напомнили ступени в пещерах враньонского человека.

Он поднялся по этим ступеням до третьего яруса ветвей и здесь увидел небольшую площадку, вроде бы балкон. Он вздрогнул: над балконом слабо вырисовывалась та самая монограмма, которая, по описаниям Юрия Игнатьевича, украшала таинственный судночек. Это было строго молимолионных датало. Очередная провила Геннадия: он разгадал монограмму! Читая слева направо или справа налево — первое М — это Мис, далее идет слово букв Т и одновременно И — это означает Еон и его третий сын Тефя; и наконец, последнее М — Мак. Ура!

Судночек — изделие прауродителя Еона, и уж не в этой ли выемки в коре «сульы» вырезал старый катамаранщик материал для своего изделия?

Гена чувствовал какой-то необычайный даже для него подъем интуиции и вдохновения. Итак, теперь уже ясно окончательно: судночек с заключенными в нем ценностями, культурными или материальными, принадлежит архипелагу, а следовательно, и народу Больших Эмпиреев. И он будет возвращен народу, где бы ни забыл или ни припрятал его хитрюга или растляя Сиракузер!

Однако, подумал мальчик и тут же вспомнил о флейточке. Как подсказывает ему его интуиция, без флейточки из дерева «сульы» не откроется судночек из дерева «сульы», а

страшной глубине под обрывом он увидел, что поверхность моря рассекает шесть пенных бурюнок, словно идут ромбом шесть торпедных катеров. Метрах в двухстах под ногами плавала в воздухе крупная чайка. Что-то знакомое сквозило в манере полета этой птицы, что-то родное, домашнее... Так летают крупные чайки-самки в дельте любимой Невы. Ей-ей, парница вишу чайка чем-то напоминала дружищу Виссария.

— Виссарий! — крикнула вниз Геннадий шутки ради. Прошло несколько секунд, прежде чем голос его долетел до чайки. И тут же птица взметнулась и, стремительно набрав высоту, опустилась на скалу рядом с Геннадием. Это и в самом деле была Виссария.

Что? Как? Каким образом? Дружище Виссария, вы ли это? И если это вы, а не ваш океанский двойник, то как вам удалось за столь короткий срок покрыть столь гигантское расстояние? И какая щель вашего прилета на остров Фео?

Все эти вопросы готовы были сорваться с языка Геннадия, но не успели сорваться, потому что Виссария предарила все эти вопросы одним лишь поворотом головы. Он повернул голову влево и чуть вверх, и Геннадий увидел на шее у сильной птицы кожаное кольцо с кнопкой. Виссария со спокойным дружелюбием пригласила своего старого приятеля (если птица может так сказать о тринадцатилетнем мальчике) растегнуть кнопку. Геннадий последовал за этим приглашением и извлек из кожаного кольца письмо, адресованное ему. Письмо было от Питирима Кукк-Ушкина. Оно гласило:

«Привет из Ленинграда!
Многоуважаемый товарищ
Геннадий Эдуардович!

Во имя всего, что дорого человеку, во имя высоких благородных принципов нашей цивилизации сообщая вам срочные новости. На следующий день после отбытия вашего многоуважаемого семейства на праздник дружественной нам милой нации мне позволили из «Итиуриста» и сообщить, что во время санитарной обработки в номере отбывающего ранее по собственному желанию иностранного подданного Сиракузерса А. С. найден искомым вами и ранее принадлежавший мне, а ныне братскому империалистическому народу предмет.

В присутствии участкового уполномоченного был составлен акт и предмет был передан мне для дальнейшего пользования. Ставлю вас сообщить, что судучок пребывает в неопределенном состоянии и в нем по-прежнему ничего не стучит. Прошу передать эту новость всему миловидному народу Больших Империев, за свободу которого бились наши предки под одним парусами. Кстати, не прорастает ли на их территории растение «гумчанс»? Вы знаете, зачем оно мне...

Геннадий Эдуардович, до вашего возвращения во избежание каких-либо повторных

эксцессов я укрыв судучок в очень надежном месте. На всякий случай, если я вдруг забуду (чего не может быть), напомните четыре цифры, дату Грюнавальдской битвы...»

Внезапно из-за плеча Геннадия на письмо опустился рука в черной кожаной перчатке. Вторая точно такая же рука какнула то дьявольски стальным зажимом славяла его горло.

— Какая приятная встреча, Джин Стрейтфонд, сэр — владелица этих двух рук мадам Накамюра-Бранчковска извлекательна засмеялась.

Гена почувствовал себя беспомощным: при малейшем движении стальной зажим сильнее сдавливал горло.

Между тем мадам Н-Б, с силой, удивительной для женщины, повлекла тело Геннадия в расселину между скал.

Товарищи Геннадий Фид, Эсп, Эит, Газа и Акси не видели происходящего, занятые наблюдением за единственной стороной склона, по которой бандиты могли бы предпринять штурм вершины. Чайка Виссария бесстрашно, не соразмеряя сил, бросилась на защиту своего друга, но силы были явно неравны — мадам увлекла мальчика в расселину. Однако в самый решающий момент в бой неожиданно вступил один из молодых красивых леопардов. Он прыгнул на спину хищнице рода человеческого и спас таким образом Гену Стратофонтону, то бишь Джина Стрейтфонда, от увлечения в расселину, где его, конечно, ждали серьезные неприятности.

Освободившись от стального зажима, Гена отпрыгнул в сторону и увидел перед собой запоминающую картину: на ярко-зеленом ковре мая катались, спелась, женщина в черной коже и пушистый леопард. Женщина была страшнее. Каким-то нехвастким усилием она отшвырнула леопарда, вскочила на ноги, дважды выстрелила в Гену и скрылась в темной расселине.

Пули прошли мимо, но, словно в ответ на эти выстрелы, заговорили внизу автоматы гангстеров.

Гена бросился к своим. Все три летчика и две ствольные заявили боевые позиции в скалах. Они ждали команды своего юного командира. Гена выглянула из-за скалы и увидел, как по желтому крутому склону лезут вверх Грумло и Пабст, Мизераблес и Латтифудо, Буллит и Тиучан и еще не менее двух десятков бандитов. Эта атака напоминала ему эпизод из «Лобовой когда-то в дедсадовский период книги «Стой сокровище»: атаку пиратов на крепость капитана Смолетца. Вспомнил этот эпизод, он подумал, что их подожжет горючее, сержанце, чем у серов Ственсона, их окружат некий взвод суперсолдат, вооруженных современным оружием и умеющих им пользоваться.

Помощи ждать неоткуда, помощь не предвиделась. Кроме чайки Виссария, у них здесь только два союзника — два молодых неопытных леопарда. Кстати, где же эти леопарды? Он оглянулся и ахнул.

По столбу гигантского дерева на думиджи спускались молодые леопарды, но не два, а шесть! Шесть грандиозных и сильных зверей с умными и какими-то очень знакомыми глазами. Очередная догадка молниеносно промелькнула в голове мальчика. Он посмотрел внимательно на столь знакомую ему ясно-благожелательную осанку, на расквитку шерсти не очень-то леопарду, а скорее порою кошачью, на пушистые хвосты этих животных и понял, что это — дети Пуши Шуткина, достославного боевого kota, которому он в течение последнего года имел честь предоставлять стейк и кров.

— Уж не детей ли своего друга Шуткина я вижу перед собой?! — воскликнул Гена, и молодые леопарды тут же подтвердили его догадку. При имени своего достославного родителя они радостно замыкнули, запрыгали и каждый из шести своим долгим дружище потереть головой о Гена, отчего бо стало немного салить. Затем леопарды выгнули спины, подняли трубами свои пушистые хвосты (ну вылитый папа!) и всем видом показали, что они готовы принять участие в битве.

— Друзья, — сказал Геннадий летчикам. — Эти молодые животные — наши союзники. Кроме того, в нашем распоряжении чайка-связной, — он повернулся к Виссарии и обратился к нему с просьбой: «Дружище Виссария, сможете ли вы инитурить человеческую фразу «Чабби Чаккерс, на помощь?»

— Чабби Чаккерс, на помощь! — проорал Виссария довольно похуже.

— Bravo, дружище! В таком случае, летите к морю и кричите эту фразу без остановки. Я тоже попробую прорваться, — он посмотрел на часы. — У нас в запасе 0,5 минуты.

— Ах, Гена, — проговорили Гага и Акси, внимательно глядя на него своими большими зурбаганскими глазами. — Какой вы удивительный, удивительный, просто удивительный мальчик!

Гена собрал все силы, чтобы

не побагроветь под этими взглядами, но все-таки побагровел.

— Мисс Гала и мисс Акси, — сказал он учтиво, но все-таки звенящим от волнения голосом. — Я самый обыкновенный, самый обыкновенный, обыкновеннейший подросток.

Ну, вот вам, дорогой читатель, дополнительный штрих к портрету нашего героя. Каково? По излюбленному выражению Валентина Брюквина, как говорится, «ноу комментс».

Справившись с волнением, Гена сделал знак леопардам, и они все семеро (молодые Шуткины плюс Стратофоновы) собрались в кружок, голова к голове, как это делают шведские хоккенисты перед началом игры.

Гена что-то шепнул леопардам, и те мгновенно исчезли. Оставшиеся секунды Гена потратил на совещание с летчиками.

Итак, атакующие быстро шли вверх по желтому склону и вели страшный огонь по вершине, то и дело вставляя новые кассеты в свои автоматы. Странное дело — им не отвечали. Они прошли уже половину склона — ни одного выстрела сверху. Наконец они ринулись вперед и добрались до спасительных скал. Быть может, у беглецов уже нечем стрелять?

— Сейчас, ребята, мы их возьмем тепленькими, — прохрипел Пабст. — Бифштекс, три картошки и два помидорчика...

Он захохотал, похлопывая себя по ляжкам, и вдруг завопил от ужаса. На него со скалы, растопырив страшные лапы и жутко шипя клыкастой пастью, падал леопард. Спасительные скалы оказались западней для гангстеров. Шесть леопардов бросились на мерзавцев и взялись терзать их без всякого разбора. В тесноте скального убежища пустить в ход огнестрельное оружие было невозможно. Один за другим вылетали растерзанные, обезумевшие от боли и страха мерзавцы назад на желтый склон, и здесь они попадали под огонь отступающего маленького отряда смельчаков. Ма-

ленький отряд благополучно пересек желтый склон и углубился в джунгли. Они бежали что есть силы к морю. Море, превращавшее остров в естественный капкан, могло стать и дорогой к спасению.

В северной части бухты, затененной прибрежными скалами, бороздили воду шесть дельфиновых плавников, а над ними кружил не кто иной, как Виссаррион, не кто иной, как чайка-посыльный Виссаррион. Он кружил, и кричал, и кричал, и кричал, но за шумом пальм его не было слышно. Что касается дельфинов, то они явно плавали не просто так, они плавали отчетливыми кругами и в конце круга каждый из них высоко выпрыгивал из воды, явно показываясь.

Геннадий внимательно вглядывался в круглые лбы и лукавые клювы этих морских чело-веков. Он заметил, что они очень молоды, хотя и огромны. Что-то чрезвычайно знакомое и милое почувдилось вдруг ему в манере их прыжков, и вдруг очередная молниеносная догадка (какая уже по счету за этот день) пронзила его.

— Друзья мои, мы спасены! Перед вами дети моего старого друга Чабби Чаккерса! Они посланы нам на помощь!

— Сколько же вам теперь лет, Герман Николаевич? — спросила Даша Вертопрахова одинокого гиганта-островитянина, который, несмотря на свою чрезмерно длинную растительность, от общения с людьми приобрел уже человеческий облик, более того — облик русско-го человека.

— Не знаю, малютка, — вздохнул гигант и погладил девочку бронзовой рукой по золотистой голове.

— Могу сказать лишь, что чувствую себя сейчас значительно лучше, чем на купании Баден-Бадене, малютка.

Они вдвоем, бронзовотелый старый гигант и стройная девочка переходного возраста, прогуливались, беседа, по восточному берегу ГФ-39, по маленькой плантации каких-то странных кактусообразных растений, от коих исходил весьма приятный аромат.

— Любопытно было бы узнать, что за растение вы выращиваете в своем уединении, любезный Герман Николаевич? — поинтересовалась Даша.

— О, это чрезвычайно редкие растения, малютка, — сказал Фогель, — и выращиваю я их не из плотоядных побуждений, а лишь ради их запаха и дивной смолы, так напоминающей родную Прибалтику. Это растения «гумчванс», малютка. Я привез их семена еще из Перу в 1917 году...

— Как! — вскричала Даша. — Да знаете ли вы, любезный Герман Николаевич...

И она рассказала одинокому островитянину об изысканиях его ленинградского родственника Питирима в области идеальной еды. Сообщение это очень взволновало Фогеля. Как?! Его трудолюбивый двоюродный племянник нуждается в каких-нибудь нескольких граммах смолы «гумчванс» для завершения своих гениальных опытов, а у него здесь этой смолы в избытке... Даше даже показалось, что одинокого островитянина потянуло куда-то вдаль, может быть, даже в родной город, на канал Гроболева... Вдруг!

— Пароход! — закричала, едва ли не завизжала Даша. — Герман Николаевич, взгляните — на горизонте пароход!

Океан штормило. Косматые валы шли чередой с юго-востока и разбивались о коралловые рифы в километре от острова, но тем не менее на горизонте действительно было отчетливо видно белое пятнышко — пароход!

— Удивительно, — сказал Фогель. — Вот уже десять цветений «гумчванс» я не видел на горизонте ни одного парохода. Мой остров, малютка...

«Малютка» его не слушала. Она неслась со всех ног к штабу экспедиции, где вот уже несколько часов разбирались различные варианты спасения.

Юрий Игнатьевич Четверкин, Г. А. Помпезов, Фуруруа Чуруруа, папа Эдуард, баба Маша и мама Элла вкупе с английским пастором, итальянским коммивояжером и отцом семейства хиппи совещались, потягивая напиток, настоенный на смоле «гумчванс». Обстановка была идиллическая, а положение между тем вполне серьезное. Пищевых ресурсов атолла ГФ-39 хватило бы всем пассажирам «ЯКа-40» на 3—4 полновесных обеда и на столько же завтраков. Разумеется, рядом был океан с его неисчислимыми ресурсами, но для того чтобы обеспечить всех рыбой или моллюсками, нужна была бы целая артель рыбаков такого класса, как Фуруруа Чуруруа. Кроме этого вопроса первичной важности, всех, разумеется, беспокоили и другие важные вопросы. Ведь не моллюсками же одними, не кокосами, не рыбой же

жив человек. В частности, необходимо было довести до сведения человечества весть о прегрешении международной мафии, о захвате бандами национального достоинства Больших Эмпиреев. Короче говоря, надо было выбраться. Каким образом? Разбиралось два основных варианта. Первый заключался в том, что вождь Фуруруа Чуруруа на своем стремительном каное скользит к ближайшим центрам цивилизации и вызывает помощь. Второй состоял в строительстве на атолле собственного плавсредства, способного вместить всех пострадавших. Надо ли говорить о том, сколько минусов было у этих двух вариантов? И между прочим, главный минус был у всех перед глазами — лохматые валы, свирепеющий с каждым часом океан.

И вдруг прибежала Даша Вертопрахова с криком: «Пароход, пароход!» Все вскочили, взбежали на малый холм ГФ-39 и впрямь увидели среди волн какое-то белое судно.

Увы, оно было слишком далеко и по всем признакам не собиралось подходить ближе. Сигнализировать выстрелами? Бессмысленно. В шуме океана моряки не услышали бы даже голоса солидной пушки. Ракетами? Но ракет не было. Дымом, как в старину? Что ж, можно и попробовать, но увидят ли? И, наконец — плыть к этому далекому белому пароходу, который по неизвестной причине дрейфует на траверзе ГФ-39... такая задача была по плечу лишь одному человеку, и все молча повернулись к интеллигентному вождю Фуруруа Чуруруа.

Но даже этот незаурядный человек, в мужестве которого нам не приходится сомневаться, усомнился в своих возможностях.

— Мадам и месье, я могу попытаться счастья на своем стремительном каное, но, увы, я не уверен, удастся ли мне преодолеть в такую погоду рифовое кольцо, а оставлять вас одних...

Все обратили теперь взоры к кипящему в белой пене рифовому кольцу и ахнули: в этих ужасающих водоворотах мелькали темноволосая голова и оранжевый спасательный жилет одинокого пловца.

— Кто этот удивительный смельчак? — вскричали все присутствующие.

— Это Валентин Брюквин, наш одноклассник, — тихо сказала Даша Вертопрахова. Лицо ее было чрезвычайно бледным, но круглый, как солнечный зайчик, румянец гордости за свой класс прыгал с одной бледной щеки на другую и освещал ее синие глаза.

Это был «звездный час» Валентина Брюквина. Фыркая и отплывавшая, он плыл вольным стилем, уже за страшным рифовым кольцом, но все еще не видя за водными валами своей цели — белого парохода.

«Доплыть или не доплыть, но подвиг уже налицо, — думал Брюквин и фыркал в наветренную сторону. — Ноу коммент!»

Между прочим, он был не лишен самоиронии — ведь плыл-то все-таки он не за подвигом, а для того, чтобы помочь товарищам по

несчастью. Он плавл среди страшной стигии, этот скромный и смелый мальчик, и проявлял к себе самоиронию, то качество, без которого ни один человек не может называть себя джентльменом.

Временно исполняющий обязанности капитана научно-исследовательского судна академии наук «Алеша Попович» Олег Олегович Кошечкин стоял в рубке, глядя на пенные гребни волны застывшим взглядом и бермота себе под нос:

«...Там Зевс, как бык, в бурюнах пенных вод Уносит в сумрак нежную Европу...»

Каква была основательная. «Попович» шел малым ходом, таща за собой трал по гребню подводной коралловой гряды.

— Олег Олегович, — всунулся в рубку радист. — Капитан из Ленинграда запрашивает — вираем уже трал или еще не вираем?

— Ответчай капитану, — сухо сказала Кошечки. — Там Зевс, как бык, в бурюнах пенных вод уносит в сумрак...

— Человек за бортом! — закричал, не веря своим глазам, рулевой.

— Олег Олегович, человек за бортом! С большой зеленой волны скатывался, словно животом на санках, человек в оранжевом жилете.

— Алрал, — коротко сказал и. о. капитана и забил про стигли.

Признаться, Гена рассердился. С раннего детства он не уставал повторять, что ему «наплевать на бронзы многопудье», и вот на тебе — собственный памятник. Он даже похлодел слегка, вообразив реакцию Вертопраховых.

«Заберу его с собой и спрячу в ванной», — решил он и оглянулся. Все его спутники торжественной колливерной попойкой вливали в бухту, Галя верхом на Элле, Акси верхом на Ареге, Фил на Хиле, Эси на Коубооне, Зит на Диляне. Чайка Виссарий прикрывала караван с воздуха.

Варуг какое-то мощное, как торпеда, тело описало стремительную окружность и затормозило рядом с Бинго Старом. Вскрикнув от радости, Гена соскочил в воду, чтобы заключить в объятия своего верного Чабби Чакерса, ота эти шестерых красавцев.

— Привет, Генюк, — смущенно зафыркал Чабби. Он всегда старался смущенным пофыркиванием прикрыть переполнявшие его добрую душу чувства. — Однако, Чабби, знаешь ли ты, что все наши улетиши с острова Бинго в неизвестном направлении? Я очень волнуясь.

— Не волнуйся, старина, — сказал Чабби Чакерс. — Там все в порядке. Всех до единого подобрал корабль науки «Алеша Попович». Сейчас сюда попятют. Смотри, здесь ждут.

По мраморной лестнице к морю с распростертыми объятиями бежала живописная толпа эмпирицев, в которой Гена увидел мно-

жество знакомых лиц — и Рикко Силу, и Пафнутти Кучче, и Токтомурана Джечкина, и Фердиана, и Градуса и др., и др...

Грянул оркестр. Мокрый мальчик взлетел в воздух. Пафнутти Кучче залез на помост и, держась могучей рукой за бронзового мальчика, закричал:

— Ура! К нам прибыл наш любимый Джинадо! Праздник, посвященный открытию национального музея, объявляю открытым! По просьбе грядущихся четыре выходных дня этой недели соединяются с тремя выходными днями будущей недели! Открыть все фонтаны! Ликующая толпа подхватила и его, увесистого премьера — качать!

Качали долго. Гена и Пафнутти иногда встречались в воздухе и обменивались рукопожатиями. Гена изловчился и как-то раз на высшей точке подбросил премьера за шею и шепнул ему:

— Дорогой Пафнутти, распорядись прекратить качание наших тел! Мне необходимо немедленно связаться по телефону с Ленинградом.

Качание было приостановлено, и Гена вместе с премьером, похожим на пушное яйцо, румяным и энергичным, пустился бегом по площадям и переулкам столицы к телефонной станции.

— Увы, госпдин премьер-министр, — сказала со вздохом красавица телефонистка, — вынуждена вас огорчить. Республика превысила свой лимит по телефонным разговорам в сто семьдесят семь раз. После праздников телефонная станция конфискует государственный банк. Увы, госпдин премьер-министр. Увы, — ова пленительно улыбулась Генядию, — увы и вам, наш юный кумир Джинадо Стратофудо.

Глава VIII,

в которой идут в ход морские деньги

Смешно сказать, но первое, что увидел Гена на набережной Оук-Порта, был его собственный памятник. Он помнил о пристрастии эмпирицев к скульптурному искусству, о бесчисленных мраморных, бронзовых, чугуновых и гранитных конях, львах, дельфинах, наядях, не говоря уже о величественном памятнике его же собственному предку, но предположить, что остроумные успели за истекший год свалить памятник его собственной, еще не вполне сформировавшейся персоне он не мог.

И вот, подплывая верхом на Бинго Старе, первом сыне Чабби Чакерса, к набережной волшебного Оук-Порта, он вдруг увидел свою собственную бронзовую фигуру. Поистине это был первый в мире памятник юному существу в расклеванных джинсах. Даже музыканты ансамбля «Битл» еще не удостоились такой чести.

— Мокрые деньги вас устроят? — спросил Геннадий и извлек из своих джинсов рубль, франк и несколько зурбаганских зуров.

— Подходяще! — повеселела красавица телефонистка и взялась за соединение с Ленинградом.

Дело это было нелегкое — весь мир пересчитывал свои деньги, и поэтому шум по всем каналам стоял страшный.

Геннадий тем временем рассказывал своему высокопоставленному другу всю историю «сундука, в котором что-то стучит». — ...и вот ты понимаешь, Паф, письмо Питирима Кукк-Ушкина находится сейчас в опасных руках Накамура-Бранчковской. От этой особы можно ждать всего. Я не удивлюсь, если она завтра же окажется в Ленинграде. Что такое дата Грюнвальдской битвы?

— Быть может, это шифр? — предположил премьер-министр. — Может быть, шифр какого-нибудь сейфа.

— Да-да, вполне возможно... — задумчиво проговорил Гена. — Питирим Кукк-Ушкин мог специально для этого дела сконструировать какой-нибудь особенный сейф.

— Товарищ Стратофудо, поговорите с Ленинградом, — вдруг равнодушным голосом сказала телефонистка-красавица, как будто ей ничего не стоило пробраться сквозь хаос мировой валютной системы.

Гена бросился, схватил, заорал «алло-алло» и вдруг очень близко услышал спокойный мужской голос:

— Кандидат технических наук Рикшетников Николай Николаевич слушает вас.

— Николай, вы знаете дату Грюнвальдской битвы? — срывающимся голосом спросил Гена.

— Как всякий культурный человек, — сказал капитан Рикшетников. — Знаю. Одна тысяча четыреста десять.

Вечером Геннадий завтракал в кругу своих близких эмпирейских друзей в ресторане на крутом бастионе крепости Оук-Порта.

В связи с финансовыми трудностями республики на столе не было никаких деликатесов, только скромная местная пища: устрицы, лангусты, крабы, белая икра доисторической рыбы цалакант, эскарго, авокадо, грейпфруты, цитонеллы и лайм-тоник.

— Конечно, было бы удобно, если бы в сундучке оказались кое-какие материальные ценности, — сказал «лучший футболист вселенной» Рикко Силла. — Мы бы построили на них огромный футбольный стадион. Больше, чем «Маракана» в Рио-де-Жанейро. Вся республика поместится и еще пригласим зурбаганцев.

— Да-да, стадион! — поддержал его пылко бывший президент и вратарь национальной команды, а ныне парикмахер Токтомуран Джечкин. — Только не такой уж большой. На-

до оставить средств для огромной, самой большой в мире парикмахерской. Чтобы весь мир ездил к нам стричься!

Гена вдруг заметил, что Рикко Силла по-мрачней и посмотрел на Джечкина с несвойственной ему агрессивней.

— Стадион стадион, парикмахерская парикмахерской, а построить надо огромную телефонную станцию, — веско заметил премьер-министр.

— Никаких парикмахерских и никаких телефонов! — Рикко Силла брякнул по столу своим самым красивым в мире кулаком.

— Никаких стадионов и никаких телефонов! — выдал свои истинные намерения Токтомуран Джечкин. — Детский период истории кончился! Хватит играть, пора стричься!

— Никаких стадионов и никаких парикмахерских! — премьер-министр ладонями выбил дробь не хуже джазового барабанщика. — Нам нужна связь! Огромный телефон решит все проблемы!

Все трое мрачно посмотрели друг на друга. Ой, как Гене это не понравилось! Год назад такая сцена между тремя закадычными друзьями была бы немислима.

— Друзья, не соретесь! — сказал он им, умудрившись положить две свои руки сразу на три плеча. — Иной раз культурные ценности бывают гораздо важнее материальных.

Все трое посмотрели на Гену, и их взаимная неприязнь тут же рассеялась.

— Устами мальчика-героя подчас вещает истина, — произнесли они все трое старинную эмпирейскую народную поговорку и улыбнулись, и искорки из восьми дружеских глаз, не разделенных даже на пары, а соединенных в одно красивое загадочное созвездие, поднялись над ночным Оук-Портом, чтобы присоединиться к бесчисленным звездам мироздания, и на этом наша повесть закончилась, оставив место лишь для трех небольших эпилогов.

Каковы, однако, законы приключенческого жанра? Да и можно ли вообще называть их законами, если мы на одной странице повести можем скакнуть с бастиона крепости Оук-Порта в камеру хранения Витебского вокзала, что на Загородном проспекте Ленинграда (следующая остановка «Технологический институт»)? Из такой невероятной романтики — сразу в обыкновенную прозу, на Витебский вокзал.

А ведь слово Витебск, между прочим, не такая уж и проза. Великий художник Марк Шагал, например, показал нам такой фантастический Витебск, что ни один писатель-приключенец за ним не угонится.

Ну, впрочем, это к слову, мы и гнаться за Шагалом не собираемся. Мы входим в зал камеры хранения вслед за сутулым старичком-дачником. Знаете, бывают такие старички-дачники в прорезиненных плащах, побелевших от старости по швам, в обвисших шляпках из рисовой соломки, с двумя-тремя саженьями в руке и с ведерочком чернозема. Таков и наш старичок, эдакий отставной Буашкин, приятель поэта Андрея Вознесенского.

Он направился в серые коридоры автоматических камер, смиренно поставил свое ведерочко на кафельный пол возле одной из них, засунул пальчик в вязаной перчатке в диск и тихо набрал дату Грюнвальдской битвы — тысяча четыреста десятый год. Дверь камеры открылась, и старичок достал оттуда сундучок. Извините, любезный читатель, за неуместную рифму.

Тут нервы старичка малость сдали, и он, воскликнув что-то на неизвестном языке, мягко опустился на пол, откуда и был поднят железной рукой капитана Рикошетникова. Рядом с Рикошетниковым находился его новый друг участковый уполномоченный милиции Бородин В. П.

«Вот ведь какая штука, — думал Бородин, — передо мной обыкновенный старичок, никакой не чудак, не фантазия. Ни малейших поповознаний к проверке не вызывает. А ведь не подошли бы, не проверили, и улетела бы птичка».

Капитан Рикошетников между тем деликатно и осторожно снял с лица «старичка» тончайший пластичный грим и обнажил сатанински красивое лицо Накамура-Бранчковской.

— Браво, мадам! Ко всем вашим прочим талантам прибавился талант трансформации.

— Я протестую! — слабо сказала уставшая от борьбы за власть женщина. — Протестую против насилия над пенсионером.

— Пройдемте, товарищ, — мягко сказал Бородин. — Сорри, дорогой товарищ, сюжет не терпит задержек.

Он увел «пенсионера» в соответствующие глубины Витебского вокзала, а капитан Рикошетников с заветным сундучком под мышкой вышел на Загородный и кликнул такси.

Случилось так, что я как раз ехал мимо на своем «жигуленке» и, пользуясь правом старого знакомства, пригласил капитана Рикошетникова в свою машину.

— Вот, — сказал он, похлопывая по сундучку. — Скоро увидим, что там такое.

— Сегодня же и увидим, — сказал я. — Вас давно уже все ждут на улице Рубинштейна.

— Кто это все? — удивился капитан.

— Все герои нашей повести, начиная с Гены Стратофонта.

— Позвольте, но я только несколько часов назад говорил с ним по телефону. Он еще не мог прилететь с Больших Эмпиреев!

— Простите, но это небольшая авторский произвол, — смущенно сказал я. — Мы сейчас перейдем с вами из первого эпизода во второй. Садитесь!

Под медной лампой, сделанной из кормового корабельного фонаря, всем нашлось место: и детям переходного возраста, и их сорокалетним родителям, и старшему поколению. Был здесь даже вновь обретший родину и вторую часть своей фамилии Герман Николаевич Фогель-Кукушкин, одетый во вполне приличную серую пару из магазина «Великан».

— Я волнуюсь, малютка, — шептал он Даше Вертопраховой.

Все немного волновались, несмотря на свои стальные нервы. Даже автор малость суетился. Итак, Гена вынул из-за пазухи свою заветную трубочку, сделанную из нежного отростка дерева «сульп» и — подул!

Раздалась эти странные звуки, уже дважды описанные в повести, и сундучок спокойно и непринужденно раскрылся. Древними пустынными временами дохнуло изнутри. Все смолкло.

— Гена, доставайте ценности. Это ваше право, — дрожа от волнения, сказал автор.

Ценности оказались культурными!!! Это было письмо прауродителя Еона трем его сыновьям: Мису, Маку и Тефя, написанное на клочке древней кожи.

О сыновья благородные, милые дети!
К вам обращается Еон прародитель,
душою смущенный.
Пойман был нами сегодня в капкан

хитроумный
Мамонт ужасный, приплывший сюда издалека.
Дети родные, мы вместе сражались

с жестоким пришельцем,
Мы не дрожали пред пастью его,
что дышала вулканом.

Мис-весельчак,
ты всадил ему дротик под ребра!
Доблестный Мак

укротил его рык преотличнейшей глыбой!
Ловкий Тефя,

подобравшийся сзади, пришилили
Острым ножом его ухо к подножью сульпы.

Мне, смельчаки, вы оставили дело пустое —
Просто добыть исполнина любимой мотыгой.
Ныне победу великую

праздновать мы собрались...
Что ж я ловлю в ваших взглядах

раздора летучие тени?
Шкуру вы стали делить побежденного зверя,
Ввергла вас в ссору лихую простая дележка.

Мис пожелал себе сделать
из шкуры кафтанов,
Чтобы гулять, поражая вокруг

всех гагар и дюгоней.
Мак вознамерился сделать

из шкуры каное,
чтобы к сиренам на Фухс

добежать побыстрее.
Даже милейший Тефя разгорелся гордыней,
Хочет из шкуры он всей

понаделать игрушек,
С ними в дубравы уйти,

своих обезьян потешая.
Вижу я, Мис-весельчак,
как ты ищешь глазами свой дротик.

Доблестный Мак, ты уж взялся руками
за жуткую глыбу.

Ловкий Тефя, отпусти своих замыслов рой
из красивой головки на волю!

Дети, не сорветесь, не хмурьтесь
и шкуру делите по чести!

Дети, мы очень слабы
перед грозной игрою природы!

Если поссоритесь вы меж собою,
будете втрое слабее.

Будущий мамонт, приплыв из косматых
пространств на любимый наш остров,
По одному вас пожрет без труда

и за милую душу.
Вот мой завет, прародителя Еона. Ребята!

Вместе сражайтесь и в мире делите
победную шкуру!

Если же схватитесь вы меж собою
в постыднейшей склоке,
Вам не видать ни сирен, ни макак,
ни дюгоней прелестных!

Мир и согласие! — зывают к вам звезды.
Мир и согласие! — вам волны гремят.
Мир и согласие! — это ваш воздух.
Мир и согласие между тремя!

Конечно, культурную ценность этого письма из глубины веков трудно было преувеличить. Никакие «атомные бриллианты», никакие самые невероятные материальные сокровища не стоят даже двух слов призыва к миру, а тут был целый монолог и чей — прародителя Еона!

За столом, среди персонажей, воцарилось ликование. Нет, не зря тонули в океане и подвергались смертельным опасностям — маленькому народу Больших Эмпиреев этот сундучок явно не повредит.

Ликование еще больше усилилось, когда узнали, что Питирим Филимонович вместе со своим ближайшим другом, продавщицей модного магазина Дорой Семеновной Клобс принесли к пиршеству целую огромную кастрюлю с первой порцией только что синтезированной и уже облагороженной смолой «гумчванс» универсальной еды. Все персонажи весьма оживились, а особенно животные, среди которых был и ирландский сеттер Флайн Ноуз, который не играл в нашей повести никакой роли, а только лишь иногда оживлял картину. Все получили по несколько кругляшков, все попробовали, и всем очень понравилось. Мало того, все нашли, что эта универсальная еда чрезвычайно напоминает какую-то вкусную обыкновенную еду. Тут Питирим Филимонович слегка заволновался. И помрачнел.

— Скажите, а сколько будет стоить ваш продукт? — поинтересовались некоторые из присутствующих.

— 20 копеек килограмм, — ответил Питирим. — Не дороже картошки.

— Эврика! — воскликнули тут дети. — Да ведь это же печеная картошка!

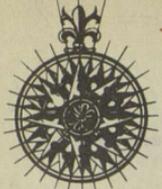
Взрослые смущенно переглянулись; дети были правы — синтезированная за сорок лет универсальная еда в точности напоминала очень вкусную, но обыкновенную печеную картошку.

Дора Семеновна Клобс хлопотливо бросилась к Питириму Филимоновичу.

— Оставьте меня! — рявкнул тот. Он сидел неподвижно, белый как мел.

— Дружище Питирим! — обратился к нему Юрий Игнатьевич Четверкин от лица всех присутствующих, включая автора. — Ты сделал большое дело! В конце концов мир только выиграет от того, что в нем будет больше печеной картошки!

Улыбка старого авиатора была так простодушна и заразительна, что и Питирим Филимонович невольно улыбнулся.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скоырва

Оформление
Р. Попова

Год издания — 19-й

ФЛАГ

Молча стояли ребята около модели. Она была небольшой, около метра. Но все было видно на ней: поплавок тралов, где шлюпки, где ходовой мостик.

— Так вот, — дорогие ребята, — сказал Николай Васильевич, — БТЦ «Мина», если посмотреть, был небольшой юркий кораблик — две пушки, один автомат 37 мм, два пулемета да личное оружие экипажа — вот и вся огневая мощь... Однако во многих боях участвовал тральщик и выиграл победителем.

И всегда над кораблем развевался наш советский военно-морской флаг...

Однажды на тральщик налетели фашистские самолеты. Бесстрашно отбивались советские моряки-черноморцы. Но силы врага были велики, около тридцати самолетов пикировали на корабль. Тяжелая бомба попала в корму тральщика, и вода хлынула

ла в пробоины. Заклинило руль. Машины остановились. Запах дыма и гари поплыл над палубой. Стонали раненые. К одному из них, Яше Соколову, бросился моторист Тимофей Ставничук. Яша был ранен в живот и

флаг. Флага не было... Или его сбило взрывом, или срезало осколками.

Что значит, если на корабле нет флага? Значит, корабль сдается, спустил флаг... Не бывало еще такого ни в русском, ни в советском флоте...

Под пулями и бомбами забирался Ставничук на прожекторный мостик. Только бы успеть... Только бы закрыть флаг. Еще мгновение — и флаг взвился над кораблем...

— А от самолетов тральщик отбил! — спросили ребята.

— Отбил, — сказал Николай Васильевич. — Машину моряки отремонтировали. Тральщик вернулся в порт. И если вы посмотрите на флаг, который на этой модели, — на нем изображение ордена Красного Знамени. Орденом тральщик был награжден за боевые действия. С тех пор он стал называться Краснознаменный тральщик «Мина».

Тимофей Ставничук
1944 г.

что-то шептал. Моторист с трудом различил слово «флаг...» Ставничук взглянул на мачту, туда, где под фалелем каждого корабля развевается

Поиск продолжается. В ближайших выпусках «Морской газеты» вы узнаете о новых страницах истории героического корабля, обо всем, что удалось найти следопытам отряда.

См. «Костер» № 12, 1974 г. №№ 2, 3, 1975 г.

ЧАЙНВОРД „БРИГАНТИНА“

*Подлинно
Море*

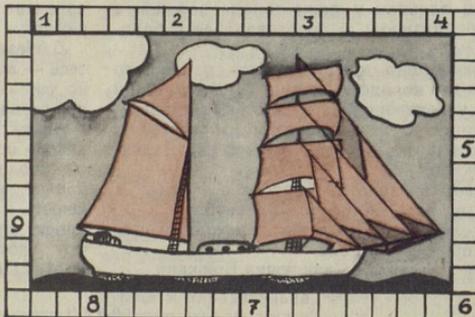
Я море только раз видал,
Но в памяти моей
Вдруг зашумит девятый вал
При виде кораблей,
При виде мачт, при виде труб
На фоне облаков,
При виде мужественных лиц
Бывалых моряков...

Сергея Герасимов,
14 лет, Ленинград

1. Парус на бушприте.
2. Ящик или ларь во внутренних помещениях корабля.
3. Кружок, надеваемый на фалшток мачты.
4. Нить, свитая из пеньки.
5. Бочонок для хранения пресной воды.
6. Струя воды, остающаяся за кормой идущего корабля.
7. Все деревянные или металлические

детали, служащие для постановки и несения парусов. 8. Все снасти на корабле, служащие для крепления мачт. 9. Короткая цепь для прикрепления якорной цепи к кильсону или дну якорь-цепного ящика.

Чайнворд составил Сергей Удовенко из Гомеля

ТЕЛЕГРАММА ИРИУТСКАЯ ОБЛАСТЬ ЗИП БОДАЙБИНСКИЙ РАЙОН ЗИП ПОСЕЛОК МАМАКАН ЗИП
 МОРСКОЙ КЛУБ ЗОЛОТОЙ РОГ ТЧК ПОЗДРАВЛЯЮ ВСЕХ РЕБЯТ КЛУБА НАГРАЖДЕНИЕМ ЗА УСПЕХИ РАБОТЕ
 ГРАМОТОЙ БОДАЙБИНСКОГО ГОРКОМА ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЛИ ТЧК
 БЕЛАЯ ПОПУТНЫХ ВЕТРОВ ТЧК КОНТР-АДМИРАЛ СКОСЫРЕВ ТЧК

УДИВИТЕЛЬНЫЕ РЕБЯТА

Чем больше узнаешь о ребятах из клуба «Золотой Рог», тем больше хочется сказать: «Удивительно!» Вроде бы школа как школа, ребята как ребята. Но... За пять лет существования клуба экипаж его был участником девяти всесоюзных экспедиций, путешествий и турниров. Награжден двумя Почетными грамотами Военно-Морского Флота СССР, удостоен четырежды дипломами за активное участие в радиопутешествии по любимой Родине. Много раз поощрялся ценными призами и подарками...

Обитатели Большого Барьерного Рифа Австралии.
 Экспонаты музея морского клуба „Золотой Рог“

Зачная экспедиция на Новую Гвиннею

Дружат ребята с Героем Социалистического Труда Петром Андреевичем Зарвой, знаменитым китобоем. Он их шеф и наставник, он положил начало музею клуба, в котором есть такие экспонаты, — не в каждом морском музее найдешь...

Когда ребята побывали у своих друзей — владивостокских моряков, те написали им в путевой дневник: «Это удивительно, что вы в очень отдаленном сибирском краю, где зимой трещат страшные морозы, стали друзьями моря и приехали в гости во Владивосток... Желаем большого плавания, счастья и хороших пионерских дел!»

ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИТЫХ ПАРУСНИКОВ

КОЧ СЕМЕНА ДЕЖНЕВА

Коч был корабльком ходким и поворотливым. Парус коча был прямой. Яйцеобразный корпус спасал коч в ледяных заторах: лед выжимал коч наверх, не раздавливая его. Небольшая осадка позволяла заходить в неглубокие устья рек. Когда морем плыть не было возможности, тянули корабль волоком. Команду коча обычно составляли 10—15 человек.

В XVII веке проход между Азией и Америкой искали англичане, немцы, голландцы... Искала вся Европа: турки закрыли сухопутные дороги в Индию и Китай, а португальцы и испанцы — южные морские пути...

Открыл этот проход русский мореход Семен Дежнев. А плыл он на коче. 20 июня 1648 года Дежнев отплыл из Колымы на восток. 20 сентября обогнул сильно выдающийся мыс под 60°05' северной широты. Дежнев назвал его «Большим каменным носом». Теперь мы зовем его мысом Дежнева. Он и выходит в пролив между Азией и Америкой...

ПОХОД „КУРС—ПОБЕДА!“

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА ПОХОДА

1. Основной удар наступавших фашистов принял на себя Центральный фронт. Командовал Центральным фронтом генерал армии Константин Константинович Рокоссовский.

2. Летчиком-истребителем, который героически сражался в небе над Курской дугой, был старший лейтенант коммунист Алексей Маресьев. Немногие знали тогда, что у Маресьева нет ступней ног... В первых же воздушных боях над Курской дугой Маресьев сбил три самолета.

Писатель Борис Полевой написал о Маресьеве «Повесть о настоящем человеке».

3. Первый салют в ознаменование побед Красной Армии и освобождения Орла и Белгорода был в Москве 3 августа 1943 года.

Отряд „Поиск“, Ленинград

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ

После сражения на Курской дуге Красная Армия перешла в общее стратегическое наступление. Наши войска освободили левобережную Украину, вышвырнули оккупантов из Киева, овладели плацдармами в Крыму... Начались бои в Белоруссии...

Ставка Верховного Главнокомандования, планируя операции по освобождению от оккупантов всей советской земли, решила в начале 1944 года организовать наступление под Ленинградом и Новгородом.

В ночь на 14 января орудия кораблей Краснознаменного Балтийского флота и Второй ударной армии обрушили на фашистов тысячи снарядов.

А 15 января еще с большей силой ударили по противнику орудия Краснознаменного Балтийского флота и 42-й армии.

В бой пошла пехота и танки... В январе 1944 года Ленинград был освобожден от вражеской блокады. Советские дивизии двигались на запад, к границам фашистской Германии...

ЗАДАНИЕ № 4

Штаб похода «Курс — Победа!» предлагает всем участникам похода начать поиск материалов о воинах-ветеранах, участниках наступления под Ленинградом и Новгородом.

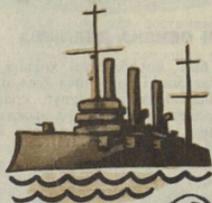
Ждем ваших сообщений.
Командующий походом

„Курс—Победа!“
генерал-майор артиллерии
И. Кныш

ВОЕННАЯ ВИКТОРИНА ПОХОДА

1. В обороне Ленинграда участвовали и орудия, временно снятые с крейсера «Аврора». Где стояли эти орудия? Кто командовал батареями орудий с легендарного крейсера?

2. 17 января 1944 года советские штурмовики «ИЛ-2» бомбили вражеские войска в районе наступления. Один из самолетов загорелся. Летчик направил горящий штурмовик на скопление гитлеровцев и военной техники... Фашисты дорого заплатили за смерть летчиков-героев. Кто был командиром штурмовика? Кто был стрелком-радистом? Где именно был совершен этот подвиг?

ОТ ПОХОДНОГО ИНФОРМБЮРО

Три письма с Ленинградского фронта были напечатаны в «Костере» № 2. Читатели журнала спрашивают в письмах: «А что стало дальше с Алексеем Прядехиным? Остался ли он жив? Где он сейчас?»

Вот что пишут о знаменитом снайпере пионеры ленинградской школы № 274:

«Алексей Борисович Прядехин остался жив. Он воевал всю войну и дошел до самого Берлина, до рейхстага.

Мы разыскали Алексея Борисовича, когда создавали наш школьный музей Армии Народного ополчения: ведь Прядехин был сначала бойцом ополчения. Алексей Борисович помогал нам делать многие стенды нашего музея. Мы сохраняем документы и личные вещи снайпера. Он часто бывает у нас в гостях.

Дружит Алексей Борисович

с пионерами. Он почетный пионер дружин школ Одессы и Сочи.

Недавно Алексей Прядехин побывал в гостях у пионеротельманцев в ГДР, в городе Нейбранденбурге. Тельманцы

повязали Алексею Борисовичу галстук и приняли в почетные пионеры. Они вручили ему сделанную на уроках труда копию медали, посвященной 25-летию Общества германо-советской дружбы».

Приехали гости из Одессы

Алексей Прядехин с пионерами ленинградской школы № 274

С пионерами-тельманцами

ИТОГИ ИГРЫ

„Экспедиция вокруг света“

В 1974 году «Костер» проводил пионерскую морскую игру «Экспедиция вокруг света».

За деятельное участие в игре, за правильные ответы, за смекалку, знания и упорство в достижении цели штаб «Экспедиции вокруг света» награждает девять экипажей-победителей памятными и ценными подарками:

1. ЭКИПАЖ № 834 (Иркутская область, пос. Мамакан, морской клуб «Золотой Рог»), капитан Сергей Овсянкин — мореходным инструментом и фотоаппаратом «Смена».

2. ЭКИПАЖ № 247, капитан Сергей Дмитриев (г. Тольятти) — мореходным инструментом и набором столоярных инструментов.

3. Экипаж № 709, капитан Вадим Парфенов (Ленинград) — мореходным инструментом, морской картой и лодией.

4. Экипаж № 456, капитан Лия Лу-

ценко (Пермь) — гидрометеорологическим прибором, морской картой и лодией.

5. Экипаж № 373, капитан Алеша Михайлов (Макеевка) — гидрометеорологическим прибором, морской картой и лодией.

6. Экипаж № 793, капитан Раис Аджигов (Фрунзе) — штурманским прокладочным инструментом, морской картой и лодией.

7. Экипаж № 459, капитан Андрей Волошин (Ленинград) — штурманским прокладочным инструментом, морской картой и лодией.

8. Экипаж № 476, капитан Олег Бекбулатов (Ярославль) — штурманским прокладочным инструментом, морской картой и лодией.

9. Экипаж № 41, капитан Жена Базин (Новосибирск) — штурманским прокладочным инструментом, морской картой и лодией.

Штаб экспедиции награждает за деятельное участие в игре и за по-

мощь в создании морской библиотеки в селе Рязановка шесть экипажей:

1. ЭКИПАЖ № 203, капитан Коля Шевухов (г. Новомичуринск) — морской картой, лодией и книгой «Клуб знаменитых капитанов».

2. ЭКИПАЖ № 148, капитан Гриша Коротков (г. Чапыгино) — морской картой, лодией и книгой «Клуб знаменитых капитанов».

3. ЭКИПАЖ № 190, капитан Валерий Мироновичев (г. Пермь) — морской картой, лодией и книгой «Алые паруса».

4. ЭКИПАЖ № 249, капитан Миша Сапожников (Воронеж) — морской картой, лодией и книгой «Алые паруса».

5. ЭКИПАЖ № 211, капитан Сергей Сафонов (пос. Покровск-Уральский Свердловской области) — морской картой и лодией.

6. ЭКИПАЖ № 173, капитан Павлик Чупихин (с. Круглосекское) — морской картой и лодией.

Штаб «Экспедиции вокруг света» поздравляет всех участников с завершением пионерского кругосветного плавания.

До новых походов!

Итоги конкурса моделей будут напечатаны в «Костере» № 6.

МУЖЧИНЫ БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

Жанна Браун,
Олег Грудинин

Рисунки А. Слепкова

Это был самый неудачный день из всех 4392 дней, прожитых Мишкой. Выпалили, конечно, и раньше на Мишкину долю дни невеселые, бывали и просто нукудышные, но ТАКОГО еще не случалось.

На рассвете Мишку затормошил Славка. Принялся дергать за ноги, хлопать по щекам, словом, вытворял с Мишкой все, что может безнаказанно вытворять старший брат. И при этом еще орал на всю квартиру:

— Эй, горе-конструктор, па-а-адъем! Штурм в гавани!

Сон, голубой, летящий, рассыпался на осколки. В каждом осколке мгновенная, как в кино, картина... Мишка одеяло натянул на голову, мечтая в темноте высмотреть остатки волшебного сна. Сказал первое, что пришло в голову:

— Живот болит.

— Бабушка! — так радостно завопил Славка, точно Мишка преподнес ему замечательный подарок. — Вызывай немедленно «скорую»! На Мишку просвещение вредно действует: вчера у него голова болела, позавчера нога...

— А сегодня живот, — упрямо пробубнил Мишка под одеялом, все еще надеясь, что брат отвяжется и займется наконец своими делами.

Куда там!

— Считаю до пяти, братишка, а потом устрою тебе холодный душ!

Мишка сел, отбросил одеяло.

Брат возвышался над ним. Длинноногий, загорелый, широкоплечий, слегка пританцовывая, он, ухмыляясь, играл мускулами, будто боксер перед боем.

Мишка почувствовал, что губы его сами, против желания, растягиваются в восхищенную улыбку. Еще ни разу не случилось ему рассердиться на брата по-настоящему.

— Шевелись, братишка, я не собираюсь из-за тебя опаздывать! ПТУ ждет меня!..

Мишка перестал улыбаться. У других ребят старшие братья учатся в институтах, а у него... в ПЭТЭУ! Неужели его брат хуже других? С этим Мишка никак не мог примириться и считал виноватым во всем Федора. Мишка был твердо уверен, что если бы не Федор, этот

Славкин друг, учился бы сейчас братишка в школе, как все нормальные люди.

В комнату, причесывая длинные черные волосы, вошла бабушка. Лицо без морщин, волосы поседели только на висках и немного надо лбом. Вот только колени не сгибались после ревматизма, схваченного в войну на Сиявнинских болотах, и бабушка ходила, но отрывая ног от пола: ш-шарк! ш-шарк!..

Бабушка встала возле двери, погрозила круглой черепаховой гребенкой и спросила ба- сом:

— Что случилось, братья-разбойники?

— Распад личности, — весело сказал Славка, дергая Мишку за ухо.

— А что, уж и животу заболеть нельзя? — печально спросил Мишка. — У Ахиллеса, между прочим, пятка болела, и то ничего...

— О господи, — сказала бабушка, — дети с эрудичней хуже землетрясения.

Славка захохотал во все горло и выволок Мишку из кресла-кровати.

— На зарядочку, эрудит, — ласково приговаривал Славка, подбадривая брата шлепками, — будешь делать вместе со мной, делать, как я, делать лучше меня! Моя ближайшая задача — сделать даже из тебя человека. Усвоил? И запомни: с сегодняшнего дня я сам займусь твоим воспитанием. Ишь, какой живот нажевал! Ва, включая музыку!

Бабушка скрепила волосы на затылке гребенкой и включила в сеть приемник с цветомузыкой. В комнату ворвался странный шум, точно внутри радиоприемника зашипела вода; раздался треск, как при электросварке, и хрипящая воющая музыка. Бабушка покрутила ручку, шум и треск усилились, а музыка перешла на космические ноты.

— Что это? — удивленно спросил Славка.

— Наверно, лампа перегорела, — сказал Мишка.

Славка приподнял приемник, нижняя панель отвалилась и какая-то деталь скатилась на пол.

— Лампа, говоришь? — переспросил Славка.

Завонил никому не нужный будильник.

Одновременно с ним звякнул медный колокольчик в прихожей.

Славка побежал открывать. Мишка отвернулся и стал смотреть в окно.

За окном дымили заводские трубы. Днем и ночью, будто старинные сторожевые корабли. Справа четырехтрубный крейсер — завод «Вулкан», слева перечеркивала горизонт громадная труба фабрики «Красное знамя», а дальше ныряли в облака...

— Мишка, ты оглох?

Славка рывком повернул брата к себе и подтолкнул к Федору. Тот приподнял радиоприемник и что-то разглядывал снизу. Лицо у Федора было таким ласковым, будто он чесал за ушами любимую собаку. Таким ласковым лицо у него бывает только в те минуты, когда он возится с каким-нибудь раненым механизмом.

— Видал шимпанзе? — спросил Славка и щелкнул Мишку по затылку.

Федор бережно поставил радиоприемник и посмотрел на Мишку так, словно перед ним и в самом деле была обезьяна.

— Пижон... машину убил. Зачем?

— Просто так... посмотреть хотел.

— А куда все винты и шурупы подевал?

— Мне для танка надо было... трак привинтить.

Славка озлился.

— Вот я сейчас как трак по твоей глупой башке.

Мишка набрал в легкие воздуха и закричал: — Сам будто ничего не ломал?! Тоже нашелся умный!

Славка взглянул на него круглыми глазами.

— Видали? Эта шимпанзе уже чувствует себя обиженой.

Он дернул со стула брюки и стал прыгать на одной ноге, стараясь попасть в штанину.

— Михаил, — сказала бабушка, — я надеюсь, что у тебя есть совесть...

— Когда совесть раздавали, его дома не было, — пробурчал Славка.

Он надел наконец брюки и теперь торопливо завязывал перед зеркалом галстук.

— Еще не хватало из-за тебя в училище опоздать. Ломал... Конечно, ломал до десяти лет, а после уж ремонтировал! А ты? В пятом классе...

— Между прочим, в шестом!

— Тем хуже!

— Руки у тебя, Мишка, плохие, — хмуро сказал Федор.

У Мишки взмокли глаза. И не потому, что он чувствовал себя виноватым. Напротив, ему стало до слез обидно, что его не хотят понять. Танк! Надо было срочно закончить танк. Не для себя, для школы! Да разве все это объяснишь? Они же и слушать не станут.

— А Туполов, между прочим, рояль сломал. Ему струны для планера нужны были, — сказал он и осекся...

Он устался на приемник. Отец! Вот оно... Об отце тогда он тоже не думал. Славкины слова будто вернули отца из командировки,

где он четыре месяца строил завод вместе с мамой и другими инженерами, и поставили возле искаленного радиоприемника. Шикарного радиоприемника с цветомузыкой. Да, отец собирал его по собственной схеме и закончил перед самым отъездом...

До сих пор Мишка не связывал вещи с людьми. Что между ними общего? Люди жили сами по себе, а вещи... Вещь всегда можно купить новую, и все. Сломал — и купил. Еще раз сломал и еще раз купил. Тем более что бабушка всегда говорит: нельзя быть рабами вещей. Мы не рабы, рабы не мы... А если Славка и в самом деле ломает танк, что тогда? Где продаются такие танки, чтобы после них болели пальцы, а сердце сжималось от радости? Или радиоприемники? Вот такие шикарные радиоприемники с цветомузыкой...

Что делать? Надо немедленно что-то придумать...

— Михаил, опоздаешь в школу, — напомнила бабушка.

* * *

...Они дружили с первого класса, и многие не понимали, что их держит друг возле друга. Острый на язык непоседливый Славка горячо хватался за любое новое дело и так же быстро терял к нему интерес. Учился Славка легко и никогда особенно не утруждал себя уроками, хватая на лету объяснения учителей. Федор занимался упорно и последовательно.

В третьем классе друзья увлеклись плаванием, но через некоторое время Славкино сердце полонил теннис, и два года он усердно работал ракеткой на стадионе «Динамо».

После международных состязаний по боксу, проходивших в Ленинграде, Славка так же легко, как и плавание, забросил ракетку и приобрел кожаные перчатки и грушу.

А Федор в это время участвовал в городских соревнованиях и получил первый юношеский разряд по плаванию.

Марина Павловна, поднаторевшая в спорте за время скитаний вника по секциям, стала заядлой болельщицей хоккея, но, к ее огорчению, клюшка не привлекала внука.

— Ты разбрасываешься, Владислав. Посмотри на Федора...

— Не сердись, ба, одно и то же скоро приедается. Хочется чего-нибудь поинтереснее...

В шестом классе на уроке труда учитель предложил ребятам принять участие в межрайонной технической выставке. Славка загорелся мгновенно, уговорил Федора, и несколько дней они сосредоточенно чертили, рисовали, раскрашивали, создавая на бумаге эскиз макета электростанции. Эскиз был вывешен в классе, но на середине работы Славка внезапно увлекся построением планера невиданной конструкции. Федор молча довел работу до конца, претворив в жизнь Славкины придумки. Работа учеников шестого класса Владислава Дмитриева и Федора Кузнецова

заняла первое место по оригинальности замысла и чистоте исполнения.

— Другой бы радовался, а мне что-то грустно, — сказала по этому поводу бабушка, придя с выставки.

Славка обиделся.

— Ты всегда придираешься. Я начал, Федор закончил...

В комнате Федора стояла узкая деревянная кровать и маленький письменный стол, заваленный книгами, учебниками, научно-популярными журналами. Всю противоположную стену от окна до двери занимал широкий верстак из толстых неструганых досок. А над верстаком до самого потолка поднимался стеллаж с аккуратными гнездами для инструментов.

Соседки по дому наперебей зваливали Федора к себе исправить замок, починить утюг, привинтить колесо к детской коляске. Федор с удовольствием копался в поломках.

Но однажды Федор во время ужина положил на стол металлический рубль. Мать Федора, Анисья Савельевна, взяла рубль и, недоумевая, приподняла бровь.

— Соседке с черного хода, Татьяне Григорьевне, торшер починил... — пояснил Федор.

Анисья Савельевна положила рубль на середину стола, переделалась, налила в таз воды и перестирала все до одной рубашки сына.

Утром, собираясь в школу, Федор вышел на кухню в одной майке.

— Мам, скорее. Опаздываю.

Анисья Савельевна не спеша догладила рубашку, сложила ее и протянула к сыну руку ладонью вверх.

— Плати за стирку.

— Как, плати?

— Просто. Я сделала для тебя то, что ты не умеешь сам. Плати за работу.

— Мам... она же сама дала, — в отчаянии прошептал Федор.

— Еще бы! — мать положила рубашку перед Федором и ушла на работу.

Федор надел рубашку, взял рубль и отправился к Татьяне Григорьевне.

Славка любил бывать у Федора. Анисья Савельевна сидела дома редко, после работы занималась общественными нагрузками, и все хозяйственные заботы лежали на плечах сына. Славка охотно помогал другу: бегал в магазин, чистил картошку.

Вечерами, освободившись от уроков и домашних дел, друзья, по выражению Марины Павловны, устраивали «кейф». Федор обычно сидел у верстака и что-нибудь мастерил, а Славка возлежал на кровати, закинув ноги на спинку, читал вслух отрывки из любимейшей книги, спорил с автором или фантазировал, каким станет мир через пятьсот лет.

— Я убежден, — серьезно говорил Славка, — все, что происходило или происходит на земле, обязательно оставляет следы... Ну, в ви-

де рассеянной информации. Представляешь, через сто или через пятьсот лет ученые изобретут такой приемник, вроде счетно-логической машины, с ячейками памяти и временными щупами. Зададут в школе, например, Троянскую войну, ученик нажмет нужную клавишу, и приемник, собрав рассеянную информацию того времени, как по телику, покажет, что и как было на самом деле.

— Точно, — согласился Федор, — а еще лучше электронная гадалка.

— Это зачем?

— Узнать, что ты собираешься делать через два года...

* * *

После восьмого класса Федор решил, что они должны пойти в ПТУ. В Федоре это решение зрело давно, с тех пор, как они впервые пришли с экскурсией на завод. Пока учитель бегал по цеху и искал начальника смены, ребята ждали возле конторки. Рядом остановились двое рабочих, и один из них, седой, с темным сухим лицом, спросил у другого:

— Видал нового мастера? Теоретик... Ни поставить, ни заточить резца не умеет. С утра привезли детали на плоскостную обработку, а мастер в справочники полез: на какие станки давать... Курам на смех, честное слово! А тут наш Митька-пэтэушник случился: «Товарищ мастер, — пищит, — такие детали на фрезерных обрабатывают». Без справочника разобрался... Не-ет, пока инженерá наши не будут иметь рабочую специальность, толку от них мало.

Славка, не очень задумываясь, согласился последовать примеру Федора. Предстояло новое дело, и, кто знает, может быть, это новое окажется интересным. О том случайно услышанном разговоре и думать забыл, а Федор помнил! И даже перед бабушкой опять же Федор за него хлопотал...

В тот день, когда друзья явились сообщить Марине Павловне о своем решении, она, напевая, мыла яблоки, собираясь к Мишке в пионерлагерь. Было тихо, и пахло сладкой ванилью от домашнего наполеона, еще теплого, еще не разрезанного на куски. Наполеон — любимое Мишкино пирожное, лежал на старинной плите. Сколько ни уговаривали бабушку, она не соглашалась убрать плиту, хотя без нее кухня стала бы намного просторнее. На этой плите готовила еще бабушка Марины Павловны, одна из первых слушательниц Бестужевских курсов. От этой далекой прапрабабушки в семье остался только портрет Бестужева-Рюмина с дарственной надписью. Бабушка называла портрет торжественно — дедгерротипом.

Услышав про ПТУ, Марина Павловна расстроилась не на шутку, тяжело заходила по комнате, сложив на груди полные руки с завернутыми до локтей широкими рукавами вязаной

коричневой кофты. Черные волосы выбились из калачика, закрепленного на затылке.

— Я еще понимаю Федора, у него золотые руки, но Владислав... Что ты будешь делать в этом ПТУ? Ты же романтик до мозга костей!

Федор сидел на подлокотнике старинного вольтеровского кресла, в котором почти утонул Славка, и с мрачным видом слушал Марину Павловну.

— Владиславу нужно кончать нормальную десятилетку, — продолжала она, нервно прикуривая погасшую папиросу, — а потом поступать в институт.

— В какой? — хмуро спросил Федор.

— Действительно, в какой? — улыбаясь, подхватил Славка так, словно речь шла не о нем.

Бабушка остановилась напротив.

— Господи, Владислав, — вдруг тихо проговорила она, — неужели я проморгала тебя?!

Славка открыл было рот, но Федор жестом остановил его и быстро сказал:

— Утрясется, Марина Павловна. Десятилетка будет, и дело настоящее в руках.

— А там — хоть в институт, хоть прямо в академики! — подхватил Славка. — Учите меня на академика, я хороший!

Федор насмешливо посмотрел на него.

— Еще один мыльный пузырь в нейлоновой сорочке появится. Много их таких институты выпускают... а потом рабочие смеются: станки по бумажке, а не по делу знают.

Федор еще никогда не был таким многословным. Даже на Марину Павловну это произвело впечатление. Славка тревожно смотрел на страдальческое выражение бабушкиного лица. Неужели станет противиться? Если так — то все! Пишите письма и произнесите речи: «Спи спокойно, дорогой товарищ...»

Бабушка перестала ходить.

— Так ты говоришь, что в этом, как его... ПЭТЭУ, десятилетка? — спросила она, подчёркнуто обращаясь к Федору.

Федор кивнул.

Марина Павловна помолчала. Славка понимал причину ее главных мучений. Ей хотелось бы оттянуть решение до приезда Славкиных родителей. Оттянуть, не взваливая тяжесть ответственности на свои плечи. Если бы она знала, что Славка и сам еще колеблется, и желание поступить в ПТУ возрастает только с ее возражениями и, главное, привлекает его не дело, а перемена в жизни! Но по лицу Славки она ничего не смогла понять и сказала:

— Ладно. В конце концов, работа мужчин не портит.

Звенящий стук молотков переполнял мастерскую. Казалось, что под напором железного мощного ляга прогибаются в окнах тонкие стекла.

На первых уроках практики к концу занятий у Славки начинало ломить виски. Ему казалось, что он никогда не привыкнет к шуму. Но прошло время, и звон металла начал ему даже нравиться. Было в нем что-то утверждающее, истинно мужское. Наверное, это у мужчин в крови от тех далеких доисторических времен, когда первый человек взял в свои волосатые руки первый каменный молот, и его грохот как бы возвестил галактикам рождение цивилизации.

Кроме того, Славка уже и сам почти научился работать молотком. И это было для него открытием, равным по силе изобретению синхрофазотрона.

Теперь ему даже стыдно вспомнить, как весело хохотали парни, когда мастер Николай Митрофанович серьезно сказал, что работа молотком — это целая наука и за один, даже за несколько раз ею не овладеешь.

С тех пор прошел месяц, и Славка понял, каким он был простофилей. Да и откуда он мог знать, что держать молоток нужно почти за самый конец, иначе удары будут слабыми. Что существуют кистевые удары, когда пальцы не разжимаются — эти удары вырабатывают меткость. Что есть другие кистевые удары, когда при замахе разжимаются три пальца: мизинец, безымянный и средний. При такой работе рука меньше устаёт.

Кроме того, есть еще и локтевые удары. Здесь своя задача: замах должен следовать сразу за ударом и тогда используется сила отдачи молотка, но если не отработать распрямление кисти — удар получится неполным и потратишь лишние силы... А при рубке металла зубилом, как сейчас, использую полный плечевой удар.

Один, два, три гвоздя можно забить в стену, не думая об этих премудростях, а если отмахать молотком рабочий день — поневоле начнешь соображать. Да что говорить, если даже такому, казалось бы, пустяку — правильно

стоять у тисков — нужно было учиться, хотя у большинства парней дома есть тиски...

— Дмитриев!

Славка задержал удар и оглянулся. За его спиной стоял мастер. Синий халат — как на весалке. Белый крахмальный воротничок обхватил кроициркулем тонкую жилистую шею. Может, из-за этого у мастера такой густой рыкающий бас, даже когда шепотом говорит — за километр слышно.

— Расскажи-ка мне, умелец, куда ты должен смотреть, когда рубишь?

Слово «умелец» в устах мастера имело много оттенков. Сейчас оно прозвучало иронически.

— Нужно сосредоточить все внимание на острие зубила и срубаемой стружке, — бойко проговорил Славка.

Что-то, а по спецтехнологии у него одни пертерки!

Николай Митрофанович одобрительно кивнул. Снежные густые волосы с желтизной двумя изогнутыми крылами свесились ему на лоб.

— Отменно. А ты куда смотрел?

Славка улыбнулся еще шире.

— На головку зубила. Так ведь, Николай Митрофанович, постепенно изживаю штатские привычки не туда смотреть!

Мастер едва приметно усмехнулся. Глазами. Сухой прямой рот остался неподвижным. — Не мешало бы поторопиться, умелец.

Теперь слово «умелец» звучало директивно. Мотай на будущие усы, мальчик, старик повторять не любит. Он стоял за спиной Славки, наблюдая, как он рубит.

И Славка старался. Ему хотелось показать Николаю Митрофановичу, что не только боги горшки обжигают, но и он, Дмитриев, тоже кое-что умеет. Стружка снималась с заготовок легко, как корка с хлеба. С каждым ударом он рубил все быстрее и быстрее, мысленно любуясь собой.

— Дмитриев, спокойнее, — пробасил за спиной мастер, — и полегче, полегче, не частей.

Человек, можно сказать, только в азарт вошел...

— Ну, вот, опять не так, — в сердцах сказал Славка, — начал работать в полную силу, а вы...

Мастер согласно покивал.

— Оно, конечно, умелец. Только слесарем работать — не штанги на сиене рвать. Здесь, милый, голова нужна, а не мускулы.

И пошел к Толику.

— Дорда, где ты был, когда я учил, как ставить зубило?

У Толика от волнения повисла на кончике носа светлая капля. Он поспешно вытер нос и потное лицо рукавом халата и в смятении уставился на мастера круглыми зелеными глазами.

— Здесь...

— И на том спасибо. Ну, и как успехи?

— Почему-то стружка плохо рубается. Может, зубило негодное?

ЗА ХЛЕБ

Борис Алмазов

Рисунок А. Аземши

— Давай-ка поработай, а я посмотрю.
Толик установил зубило вертикально и изо всех сил ударил по бойку. Зубило резко отскочило в сторону, оставив на куске листовой стали, зажато в тисках, зазубрину. Толик ударил еще раз, снова зубило ушло не назад, как полагается, а в сторону, и снова на заготовке осталась только зазубрина.

— Видали? — обиженно спросил Дорда, щелкнув по зубилу ногтем.

— Я-то видал, — спокойно сказал мастер, — а теперь ты посмотри.

Он взял левой рукой зубило, поставил его на заготовку не вертикально, как это делал Толик, а под углом и... стружка пошла.

— Надо же, — огорченно сказал Толик, — а я-то все думал: зубило плохое... Испорченный я человек!

Николай Митрофанович прошел через всю мастерскую к деревянному помосту у входа, где стояли демонстрационные тиски и его рабочий стол. Поднялся на помост, поднял руку и скандовал:

— Внимание, умельцы!

Беспорядочный грохот двух с половиной десятков молотков оборвался. Парни в одинаковых синих беретах и черных халатах выжидательно смотрели на мастера.

— Некоторые из вас, забывая правила рубки, увлекаются и ускоряют ритм.

«Это он обо мне, — подумал Славка, — ну и характер... ничего не спустит...»

— А в результате, как я уже не раз объяснял, может выработаться неверный удар. Поработаем под счет. Правый и средний ряды бьют по команде «раз!», левый — по команде «два!». Примите исходное положение: молоток на головку зубила... Начали: и-и раз!

Правый и средний ряды ударили по зубилам. Левый ряд поднял молотки.

— Два!

Грохнули молотки в левом, правый и средний ряды в ту же секунду замахнулись.

— Р-раз!

Теперь грохнули молотки в правом и среднем...

— Р-раз — два! Р-раз — два!

Мастерская словно раскачивалась: тут-там! тут-там!

Славка уже не смотрел по сторонам. Железный ритм работы подхватил и не выпускал, не позволяя даже в мыслях отойти в сторону. Оказывается, одно дело рубить одному и совсем другое, когда рубишь, как в строю. Славка представил себе, как все это выглядело со стороны, и почувствовал гордость. Три ряда богатырей! Единый замах, единый удар! Здорово! Откуда-то из глубины памяти выплыли стихи:

В могу-чих че-люстях тисков
Желе-зо твер-доло-бое.
Парниш-ка, что из но-вичков,
На нем харак-тер про-бует...

Мастер давно молчал. Молотки сами вели счет. Р-раз — два! Р-раз — два!

Когда пуля попала в бутылку с горячей смесью и на бойце вспыхнула одежда, он не стал сбивать пламя, а бросился к фашистскому танку, прижался к броне и сгорел вместе с вражеской машиной. Седой человек рассказывал ребятам о подвиге однополчанина, и в классе было так тихо, что даже на последней парте, где я сидел, было слышно, как позванивают медали у него на груди. У ребят были такие лица, словно это они стоят на смерть, закрывают врагу дорогу к Волге, словно это они там, на переднем крае обороны, в ту лихую годину.

А в самом углу у крайней парты валялся кусок хлеба. Почему-то я не мог оторвать от него глаз. Маленький кусок, ломтик, надкусанный с краю.

Прозвенел звонок, ребята окружили ветерана, а кусок хлеба все лежал. Может быть, его не заметили? В перемену дежурные вымели хлеб в коридор.

Я вспомнил этот кусок хлеба, когда шел в деревню Московино, что на Верхней Волге в Калининской области. Добираться до нее пришлось долго: сначала поездом, потом телеходом, машиной, а уж до самой деревни ничего не ходит — дороги нет, пришлось пешком, через поля и болота.

Усталый комбайнер возился у косилки.

— Лафет забивает! — повернул он ко мне измученное лицо. — Вишь ты, сырая рожь — в приемник забьется и шабаш, через двести метров останавливается. Дожди и дожди, как прохулилось...

— Может, пообжарить, может, ветром подсушит? — посоветовал я.

— Сам-то городской? — спросил комбайнер. — Колос через день-два сыпаться начнет. Пообжарить! Пообжарь — без хлеба будешь. А тут рожь хорошая, по двадцать центнеров с гектара берем местами! — он сказал это с гордостью. А на Украине, на Дону — по сорок пять центнеров пшеницы с гектара никого не удивляет.

Только во время войны не

было у нас украинского хлеба, а на Дону пахали и засевали землю снарядами. Вот этот тощий архангельский, вологодский, тверской хлебушко, пополам с мякиной, а то и с корой лежал в вещмешках советских солдат, что бились на Волге, на Курской дуге и здесь, совсем рядом, под Москвой. Я помню солдатский хлеб, те четверста граммов, что были положены бойцу на день, и которые они отдавали нам, потому что мы, дети войны, все время хотели есть.

Трудно дается хлеб на нечерноземной земле. Поля маленькие — семь, пять, а то и два-три гектара. Все болота, да кусты, да перелески...

— А где тут у вас мальчик погиб?

— Воронов-то, Гена? — комбайнер выпрямился. — Вон в ячмене. Вон, где столбы. В прошлом году, помнишь, какая сушь была? Леса так и горели! Сказывают, в Москве дым по улицам стелился. При такой сухоте легко ли огня не заронить... Окурки, костер там или искра от машины — и пойдет! Мы все детишкам наказывали, чтобы поглядывали...

— И все-таки недогадали?

— Так ведь кабы от огня загорелось, а то от провода. Провод электрический упал. Может, пересох. От него и пошло.

Воронов Гена как увидел, кинулся гасить, а оно уж полыхает!

— Что ж он никого из взрослых не позвал?

— „Позвал“. Тут пока докричишься, все поле примется и лес пойдет, а там и деревню прихватит. А чем гасить? Один в поле, ни воды, ни лопаты. Рубахой стал замахивать, догадался. И уж все погасил, да ступил на провод, ну и, конечно, насмерть. Шесть тыщ вольт... — комбайнер снова принялся с остервенением вытаскивать из приемника пучки мокрой жеваной соломы. — Жаль мальчонку — спасу нет. Хороший был парнишка, тринадцать годов.

Откуда берется способность к самопожертвованию? Откуда берется сноровка? Смог бы я, взрослый человек, вот так ки-

нуться спасать урожай? Почему, попадая в одинаковые обстоятельства, сталкиваясь с бедой, одни становятся героями, а другие нет?..

Тропинка то спускалась к болоту, и приходилось вброд переходить холодные промоины, то поднималась на пригорки, и тогда за ржаными и ячменными полями виднелся лес. И ни одного человека! Кругом было так пустынно, что казалось никого, кроме огромных бескрылых кузнечиков, в этих краях и нет.

Но ведь это поля! Столетиями превращал крестьянин эту землю в пашню. Сначала вырубил гниль, отвел воду, выкорчевал пни, сжег корчевье, разгреб камни, поднял целину, вспахал под посев, засеял, забороновал, и стала земля жить... Без человека была бы это болотная пустыня и все...

За лугом, где ходили стреноженные кони, показалась деревня, словно зеленые облака, скрывали дома огромные ивы.

— Здравствуйте, — навстречу мне из-за поворота вышла старушка с кошелкой. — Не знаете, в Печетово в магазин хлеб привезли? Сами к Вороновым? Сродственник будете? Про Гену писать, значит... Ну, ну... Желанный был мальчик... — и старушка заплакала, вытирая морщинистое лицо коричневой рукой. — Они детишки все хорошие, но он, как бы сказать, добрее всех был. К примеру, идет улицей, рыбы наловит, а мы, пенсионеры, на лавочке сидим. Он остановится, посмотрит-посмотрит, да всю рыбу нам и отдаст. Дескать, кушайте, бабушки, самим-то не наловить. Они Вороновы все такие-то. У Гены все — и отец, и дед, и прадед, — все нашей деревни крестьяне. И все труженики. Все с малолетства работают. Мало, что у них по дому все меж собой распределено, чтобы матери облегчение сделать, их с Геной-то детей было четверо, мало что по дому... В поле работают.

Вчера Сашу, младшего брата встретили, на косилке едет.

— Сашенька, — говорю, — никак ты в совхозе косишь?

— А что ж, говорит, глядеть, что ли, как трава ляжет. — Вот и косит, как мужик, а ведь ему двенадцать годов только. Да ведь умеет! Гена тот все к технике больше, тот все к тракторам да к косилкам.

Прошлой весной смотрю, а Гена-то Воронов на тракторе пашет. Отец, знать, наломался, спит, а он за него пашет. Пять гектар спалхал. Отец подошел, мужик, говорит, у меня растет, крестьянин...

...Как часто, спрашивая мальчика или девочку, кем и где работают их родители, слышишь в ответ: «Не знаю». Взрослый человек половину жизни проводит на работе, а сын его или дочь ничего не знают об этой половине его жизни. У взрослых свои заботы и радости, у детей свои. И от этого всем трудно. И детям, и взрослым... А вот Гена Воронов дружил с отцом и братьями.

С мелочей, с маленьких добрых поступков начинается хороший человек, с повседневной заботы о близких начинается важное качество советского человека, гражданственность, ответственность за все, что делается на земле.

Думал ли об этом Гена? Думал!

В Горицах, в школьном музее, лежит его маленькая записная книжка-дневник. Там на первой странице прыгающим детским почерком написано:

ВОРОНОВ ГЕННАДИЙ
ИВАНОВИЧ
1960 ГОДА РОЖДЕНИЯ
РУССКИЙ
ПИОНЕР

Ему важно было это знать. Он гордился тем, что русский, и тем, что пионер.

— А в поле-то он пошел ключ гаечный взять, — это мать Гены Антонина Александровна рассказывает. — Виталька, самый младший наш, с утра каючил: «Гена, почини мне велосипед!» Вот он и пошел к трактору ключ брать... — Антонина Александровна сильная, молодая женщина, у нее загорелое лицо и руки. Ровный темный загар от работы в поле. Она, наверное, веселая, любит

песню. Легко, если бы не две морщины у рта да темные глаза, запашишь глубоко-глубоко... она рассказывает обстоятельно, подробно. Наверное, вот так споро, добросовестно делает она любую работу, даже если это тяжелая работа. — Пошел он, Гена... А потом кричат: «Мальчишку током убило!» Я еще не знала, что Гену, а так у меня сердце и оборвалось, словно чуяло... — она рассказывает, как примчался на газике председатель совхоза, как отключили электролинию, да не ту, как полетел газик в соседнюю деревню к распределительному щитку. Рассказывает подробно, не в первый раз, а трое Вороновых: отец Иван Сергеевич, Саша тринадцатилет и семилетний Виталька сидят на лавочке и молча слушают. У них одинаково выцветшие брови, одинаковая крестьянская прочность плеч и сутуляться все одинаково...

Не первый раз слушают, а все, видно, рассказ им этот по больному месту. Дрожат большие руки Ивана Сергеевича, крошится табак из папиросы. Год назад, когда подхватил он из хлебной гари сына своего, не заметил, как в руке оказалась обшлаг сыновей обгоревшей рубашки. Только к вечеру опомнился, глянул и сполз по стене без памяти...

Он для них был и останется всегда живым. А какой он был? Да по фотографиям и представить трудно.

Фотографий-то сохранилось всего две. Фотографов тут нет, не город...

— Учился хорошо, но «звезд с неба не хватал», — сказала директор восьмилетней Печетовской школы, где учился Гена, Анна Тимофеевна Лубина. На мой вопрос, не было ли в характере мальчика чего-нибудь выдающегося, сразу ответила:

— Он был человек слова.

Когда — в годовщину его гибели — одноклассники стали вспоминать, с удивлением и радостью сошлись на том, что никто не может припомнить, чтобы Гена не выполнил какого-нибудь своего обещания.

Говорят, в деревне жить скучно. Наверное, зависит не от того, где живет человек, а как живет он. Гена жил весело и интересно. Не ждал, чтобы его стали развлекать, «организовывать», чтобы с ним «проводили мероприятия». Шел в клубе концерт художественной самодеятельности. Гена должен был прочитать рассказ из книжки «О смелых и умелых». Прочитал. Зрители аплодировали, кто-то из зала крикнул:

— Эще давай!

— Эще, что ли, рассказывать?

— Валаяй! — и он рассказывал еще и еще, сначала на память, а потом своими словами, пока всю книжку не пересказал.

Он пел в хоре, был солистом, по самоучителю, что выписал отец, выучился играть на гармошке, плясал, рисовал стенгазеты, умел водить комбайн, трактор, машину, во дворе повесил самодельную грушу, занимался боксом и очень много читал!

— Ох как читал! — подтвердил отец. — Вон у него доска задумная приложена — на большой старой иве, над окном. Залезет туда и читает. Целый день сидит — читает. А что книг этих из школы перетащил — уйму! Просил кровать к окну поставить, чтобы ночью звезды было видно...

Стоит до сих пор кровать у окошка. Лежит на иве доска, потемневшая от дождей. Пустая. Без хозяина... Но мне все время кажется, что он где-то рядом.

Как это получается — живет мальчишка, ничем не примечательный особенно, и вдруг — герой?

Мне кажется, что героический поступок — не случайность. Способность к нему воспитывается, происходит это незаметно. Ведь в чем главный секрет: подвиг может совершить только хороший человек. В момент героического поступка все хорошее, что заложено воспитанием, семьей, пионерской организацией, собирается воедино.

Сколько я ни расспрашивал про Гену, все по-разному гово-

рили одно и то же: «Он был добрым!»

Только тот, кто любит, способен отдать жизнь за людей.

Весной 1973 года Гена Воронов вместе с одноклассниками был в Калининне в Музее истории комсомола имени Лизы Чайкиной. Его запомнил экскурсовод:

слушают взрослых, чувствуешь, как внимательно воспринимаются каждое слово.

А как засуетились они, когда усаживали меня закусить перед дорогой. Как торжественно нес Виталька тарелку с медом. Была в мальчишке гордость от того, что в доме достаток, трудом добытый.

— Без троек, — ответил с достоинством. — Да Валя вот лучше, чем я, учится! Теперь надо Витальку тянуть! Он этой осенью в школу пойдет, в первый класс...

У Печетова меня обогнал трактор с прицепом, мальчишка, сидящий на горе зерна, уважительно снял кепку и покло-

Память — это и музей славы, и парта Гены Воронова, за которой может сидеть только самый лучший ученик... Память — это и школьные угочки в Горницах, в Печетово... Это и сами ребята, одноклассники. И прежде всего, конечно, семья Гены

— Я бы тоже так хотел!

— Что именно? — спросил экскурсовод.

— Также что-нибудь хорошее сделать.

— Но ведь они все погибли!

— Ну и что, — ответил Гена. — Их долго все вспоминать будут.

А через несколько месяцев в том же зале появятся маленькая витринка с пионерской формой Гены, номером «Пионерской правды» и обгорелым обшлагом его рубашки...

Гену Воронова помнят все его односельчане. Но, конечно, совсем особое место он занимает в памяти его родных, его сестры и младших братьев...

Дети Вороновых очень воспитанны. В них чувствуется внутренняя доброта и культура.

...Они принимают участие в разговоре, но больше молчат,

Как внимательно, по-крестьянски бережливо, но щедро резал хлеб Саша.

— Кем же ты будешь? — спросил я Витальку.

— Летчиком!

— А кто будет землю пахать? — сказал отец.

— Я технику люблю, — взрослому ответил мальчишка.

— Дак ее в деревне завались...

— Все равно летчиком, — напустился малыш: — Как Гена!

— Вот оно что, — подумал я, — это желание быть похожим на брата.

А дорогой Саша рассказывал.

— Наши тут спокон веков жили... И прадед наш, наверное... Вон в том селе, в Ново-Троицком, Михаил Иванович Калинин учился...

— А ты как учишься?

нился. По годам он был сверстник Гены. Знакомый комбайнер, свесив ноги в канаву, хлебал из котелка, а перед ним, прижимая к животу кринку с молоком, стоял босоногий карапуз и с удовольствием смотрел, как ест отец. Ноги у него были запылены и искусаны комарами — издалека шел. Три девчонки — лет по двенадцати — вместе с женщинами вязали лен, и маленькие снопики вертели у них в руках, как пропеллеры.

Опять вспомнился мне кусок хлеба, который валялся в классе... Как же так? А?

За этот хлеб, за то, чтобы его было вдосталь, ухидили воевать советские люди.

За этот хлеб, за эту землю погиб и Гена Воронов, сын и внук крестьянский... Ваш современник и сверстник...

ТЮ

Анатолий Тараскин

СТАРЫЙ АВТОБУС

Развозил я пассажиров:
Пионеров, октябрат;
А теперь назвали старом,
Стал, ребята, старом.
Не давайте мне скучать —
Приходите пострелять.

ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ

Сколько раз бранила Надю:
— Не рисуй в моей тетради!
— Зря, сестренка, не бранись,
Прочитай и разберись:
Как же мне не рисовать.
Это — «общая» тетрадь.

Рисунок Г. Ясинского

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Ю. Степанов

СКАЗКА

Рисунок А. Орлова

Хомячку провели телефон, а на поляне, перед его домом, поставили телефонную будку. Первым позвонил Еж.

— Алло, Хомячок, это я, твой друг Еж. Ты еще жив?

— Жив, а что? — спросил Хомячок.

— Ты только не обижайся на мои слова, понимаешь, хочется поговорить по телефону, а что говорить, не знаю.

— Ничего, говори, что хочешь.

— Что это голос у тебя такой противный?

— Может быть, телефон испорчен? — спросил Хомячок.

— На телефон не вали. Что бы тебе еще сказать? Да, знаешь, почему я позвонил. Я думал, тебя Волк съел или сосной придавило, представляешь, потеха. Телефон провели, а звонить некому. Сначала ведь хотели только мне

телефон поставить. А я говорю: «Поставьте и Хомячку, он будет рад, если ему будут тоже звонить».

— Спасибо, — сказал Хомячок, — ты стоящий друг.

— А почему ты молчишь? Я все говорю, говорю, а ты молчишь.

— Я тоже не знаю, что надо говорить.

— Говори скорее, мне некогда.

— Хочу пригласить тебя на пирог с яблоками, — сказал Хомячок.

Еж бросил трубку и побежал от телефонной будки к домику Хомячка.

— Где пирог? — крикнул он с порога.

— Какой пирог? — удивился Хомячок. — У меня его никогда и не было.

— А кто по телефону приглашал?

— Так это же по телефону.

ПОБЕДИТЕЛЯМ — СЛАВА!

326 доблестных рыцарей — участников прошлого года турнира — получили 2-й, 3-й и 4-й спортивные награды, а лучшие из лучших награждены дипломами и памятными подарками.

Трижды салют победителям турнира!

У шахматистов на высшей ступеньке пьедестала почета Лида Суздалькова (Горький) и Эдик Розенталь (Вильнюс), а у шашистов — Боря Сафронов (Прокопьевск) и Миша Каплан (Киев).

Призерами турнира также стали: Сережа Бартов, Валентин Воронков, Коля Войнов, Сережа Воробьев, Джамиль Давлетов, Алеша Жарков, Миша Ишмурадов, Даниил Куптарев, Коля Кудряшов, Коля Копейкин, Георгий Лесовский, Сережа Никифоров, Миша Овчинников, Володя Рябцев, Юра Сантов, Сережа Тамоньев, Сережа Шаров, Марина Голодяевская, Сережа Игнатов, Женя Камкин, Коля Рязанов, Гриша Черес, Ваня Черес, Толя Воронкин, Саша Тринин, Игорь Капранов, Вита Колосов, Саша Кузнецов, Саша Мехедов, Саша Мокрешов, Володя Пудиков, Светлана Шадрина, Саша Денисов, Олег Шалыгин, Валерий Винокуров, Володя Македонский, Вася Тихонов.

Их решения задач призового тура («Костер» № 10) такие.

Шахматы. А. 1. Jh5! gh 2. Kg7+ Б. В 5 ходов: 1. Се5! Ch1! 2. Сg3 и т. д. В. 1. Jd1! h5 2. Jc1! и т. д. Г. В 3 хода: 1. Jd2! K:d2 2. Кс5 Д. В 3 хода: 1. Jh4! Kрc6 2. Фd1 Е. В 3 хода: 1. Jа8! С:а8 2. Jь7! Шашки. А. 1. f2 c3 2. e5! 3. g1X. Б. Тут ничья. (1. c7 2. d4 3. c3 и т. д. =) В. 1. b4! c1 2. g5 3. h6X. Г. 1. e5! f6 2. g7X. Д. Тут ничья (1. h8 b8! 2. b2 e7! =). Е. Тут ничья (1. cd4 ab6 2. e5 3. e3 4. f8 =).

ТУРНИР-75!

Шахматисты! Вам надо решить две задачи.

А. Белые: Kрh7, Сg4, Ка5, пп. f4, h2, h3; черные: Kрh4, Сf2. Мат в три хода. Автор — Дмитрий Бараш (Ленинград).

Б. Белые: Kpg3, Сb5, п. f2; черные: Kрh5, пп. a3, g5, g6, h6. Мат в четыре хода. Автор — Марина Голодяевская (Киселевск).

Шашисты! Вам надо найти побед-

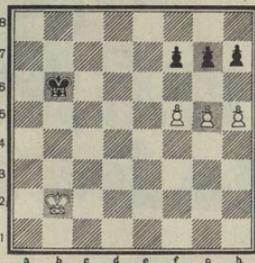

ные комбинации в концовках Сергея Мальцева (Новосибирск).

А. Белые: b6, c5, e3, e5, f4, f6, g3; черные: b2, c3, c7, d8, g7, h8.

Б. Белые: c3, d2, d4, e3, e5, f2, g3; черные: a3, a5, c7, f6, g5, g7, h4.

ПОДАЙ КОМАНДУ!

Посмотри на диаграмму: разве с мирными намерениями сошлись пешки белой и черной армий? Ну, нет! У них вот-вот завязывается штыковой бой. Кто же наступает? Ясно, что белые. Но прорвут ли они оборону черных?

Найди же, рыцарь, путь к победе! Поддай белым точную команду!

НОВИСТИ ШАХМАТНОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

В 8.00 по сейтнотному времени были приняты сигналы с планеты Пульга. Расшифровка показала: передана по-

зиция — белые Kрh1, пп. a2, b3; черные: Kрh8, п. b4. И к ней примечание: пульжанин, игравший белыми, пошел 1. a2—a4 и сказал: «Я иду в ферзи! Сдавайся!» «Нить ты какой... Сам сдавайся!» — ответил пульжанин, игравший черными, и побил 1... b4:a3.

— Что это означает? — спросили учение у Ферзьбери. — Так быют?

— Быют! На Пульге применяется такое же правило взятия пешки «на проходе», как и у нас на Земле: если пешка, делая двойной ход, проходит через поле, атакованное вражеской пешкой, то та может ее побить, — разъяснил шахмат-адмирал.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Расставь фигуры — белые: Kрс6, Jh1; черные: Kрс8. Как дать мат в один ход?

Теперь поставь так — белые: Kрд6, Jh1; черные: Kрс8. Как дать мат в два хода?

А теперь вот как — белые: Kрс6, Jc1; черные: Kрс8. Как дать мат в три хода?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 2 решаются так.

Турнир-75! Шахматы — А. 1. Cd6! и при любом ответе черным будет мат. Б. 1. Jь6! и при любом ответе черным будет мат. Шашки — А. 1. d4! 2. b4 3. d2 4. h4 5. f6X. Б. 1. b4! 2. b2! 3. e2 4. g5 5. fg3X.

За каждую верно решенную задачу Турнира-75! рыцари начисляют на свой счет 5 очков. Листок с учетом очков сохраняют!

Медведь и Заяц. 1. Jh8+! Kр:h8 2. Сb2+ Kpg8 3. Jg7+ Kрh8 4. Jd:d7+ Kpg8 5. Jg7+ Kрh8 6. Jc7+ и т. д.

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать турнирные рапорты (на открытках) до 1 июня.

§ 2. Во всем остальном руководствоваться моими приказами №1, № 2 и № 3.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

АВТОЛАВКА

Шамиль Мужамеджанов

Бегом бегите к автолавке!
Полным-полнэхонек фургон:
Халаты, бублики, булавки,
Транзисторный магнитофон.

Газеты, книги и журналы,
Конфеты и карандаши —
Стоят степенно ансакалы,
И суетятся малыши.

Пасём ягнят мы на джайлау,
Вблизи заснеженных вершин.
Скорее снова к нам пожалуй,
Чудесный автомагазин!

Ансакал — старик
Джайлау — горное пастбище

Перевел Мих. Еремин

ЮРТА

Костек Баймбаев

Зеленая долина,
А среда долины той
Как будто половина
Мяча в траве густой.

А поглядеть под утро,
Когда горит восток, —
В траве белеет юрта,
Как облака клочок.

Ковер в ней вместо пола —
Цветает его узор,
Расначивают полог
Порывы ветра с гор.

Вечернею порою
Ты тьюрлык откинй, —
И сразу над тобою
Луна и неба синь.

Полог — кусок войлока, висляя
над дверью.
Тьюрлык — войлок, прикрывающий
отверстие в крыше юрты.

СМОРОДИНА

Мурат Куанышбеков

Вновь лакомства в лесу созрели.
Взгляни, повсюду на нустах
Как будто кто-то ожерелье,
Порвав, рассыпал впопыхах.

Мы знаем, что не только вкусен,
Но зоркость придает глазам
Сок этих чёрно-синих бусин —
Так бабушка сказала нам.

Власть наедемся на полянке
И обязательно потом
Для бабушки по полной банке
Целебных ягод наберём.

Рисунки А. Шестакова и
Е. Кирика

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Музафар Алимбаев

Перед самым Новым годом Бакай простудился
и попал в больницу. Его старшая сестра Балнур,
зубной врач, работала в той же больнице. Она

ЗЕМЛЯНИКА

Костек Байибаев

Горы в небо упираются
Ледниками.
Родники перекликаются
С родниками.

На траве кошма расстелена.
Отогни-ка!
Притаился в сочной зелени
Земляника.

2

часто навещала брата. Ведь врач может войти в любую палату в любое время. Врачам разрешено. А к другим ребятам родные приходили только по субботам и воскресеньям.

Пришла Балнур и 31 декабря. Она поздравила всех с Новым годом, а Бакаю подарила шоколадные конфеты в красивых обертках.

У других ребят не было родственников-врачей. Их родители придут к ним только завтра — первого января. И ребята, конечно, поглядывали на конфеты, лежащие на тумбочке Бакая.

Когда сестра ушла, Бакай сказал:

— Идите скорей сюда! Разбирайте конфеты! — а потом стал угощать лежачих больных, каждому по шоколадке.

В палате было четырнадцать ребят. И четырнадцатому не хватило конфетки. Этим четырнадцатым был сам Бакай. Но никто этого не заметил.

ПРО ЗУБЫ

Султан Калиев

Ни щеткою, ни порошком
Тебя, малыш, не удивить.
А знаешь ли, скани, о том,
Что зубы чистит даже мышь?

Ну, если говорить точно,
Не чистит, точит их она:
Не порошок, а горсть камней,
Не щётка — щепка ей нужна.

Зерна в норе полным-полно,
Не справиться за целый год,
А мышь, гляди-ка, все равно
Сухой бараний рог грызёт.

Тебе, должно быть, невдомёк,
Зачем грызёт кость или кору,
Похитив пирога кусок
И притащив к себе в нору.

В грызенье том простой резон:
Не сточишь зуб, не заостришь, —
И вырастет огромным он,
И рта закрыть не сможет мышь.

Да, зубы у мышей растут
Всю жизнь, растут из года в год,
Чтоб можно было в пять минут
Прогрызть себе подземный ход.

А вот зачем иной малыш
Немытый палец тянет в рот?
Зачем он ногти, словно мышь,
Сосредоточенно грызёт?

7

О ЧЕМ ПОЮТ ПТИЦЫ

Адибай Табылдиев

Соловей прохладу ночи
Славит каждый год весной.
Гусь на озере гогочет,
Одобрив летний зной.

„Быстро лето пролетело!“ —
Так курлычат журавли,
Перед тем как стаи-стрелы
Улетят за край земли.

„Скоро здесь трещать
морозам!“ —
Грает ворон, снегу рад.
Он предпочитает грозам
Почему-то снегопад.

Птица каждая поёт
О своём и в свой черёд.

ХОККЕЙ! ХОККЕЙ! ХОККЕЙ!

Вихревые скорости, виртуозное владение клюшкой, силовые приемы, необычная амуниция (и впрямь рыцарские доспехи) и, наконец, укрощение такой непослушной, твердой, как камень, резиновой шайбы — все это хоккей.

На этих снимках моменты из осенних встреч советской сборной с канадскими профессионалами. Фотографии выполнены большим специалистом в области спортивных игр, человеком, о котором болельщики сложили легенды, — Алексеем Петровичем Хомичем. Комментирует мастер спорта СССР Геннадий Орлов.

1

1. Голкипер советской сборной Владислав Третьяк распластался на льду, прикрыв собой шайбу. Прием, часто применяемый вратарями. Вы видите, хотя шайба и накрыта (а значит, сразу же звучит свисток арбитра и игра остановлена), все же канадец Майкл Уолтон № 4 продолжает борьбу, причем, силовую. К сожалению, некоторые канадцы перестают слышать, когда им это удобно. Сколько раз они и после остановки игры продолжали атаковать советских хоккеистов, причем атаковать руками и клюшкой.

Рядом с Уолтоном под № 16 Владимир Петров, под № 3 Евгений Лутченко, за Третьяком — Геннадий Цыганков, вдали у борта Борис Михайлов.

А где же на снимке ворота?

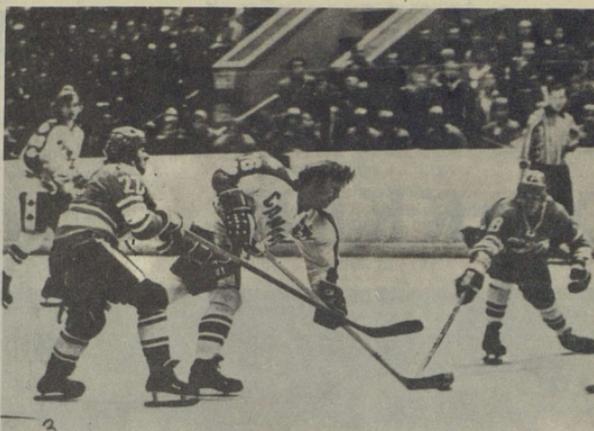
Такой далекий выход вратаря, какой совершил Третьяк, говорит о его хоккейной мудрости. В этой ситуации он решил: «Надо помочь защитникам», — и бесстрашно бросился на лед. Вообще страж ворот сборной страны и ЦСКА 22-летний Владислав Третьяк сейчас самый популярный вратарь в мире.

2

2. У ворот Третьяка. Посмотрите, как основательно оккупировали «пятак» (место перед воротами) канадцы Андрэ Лякруа и Бобби Халл.

Кстати, канадцы очень хорошо играют на «пятак». Еще в первую серию советско-канадских встреч нас поразило умение добывать отскоки от вратаря шайбу Фил Эспозито. Канадцы подтвердили, что намного результативнее могут быть атаки, если умело расположатся нападающие перед чужими воротами. Здесь на помощь Третьяку пришел Юрий Лебедев № 11:

3

3. Легендарная личность канадского хоккея Роберт Мервин Халл. По итогам восьми встреч сборной СССР со сборной Канады лучшим бомбардиром стал Бобби Халл, забросивший 7 шайб. Вы видите, как он в окружении двух наших хоккеистов — Вячеслава Анисина № 22 и Владимира Викулова № 8 — все же успевает произвести бросок. Халл бросает по воротам не с помощью «щелчка», он обладает редким по силе кистевым броском. По признанию Третьяка, Халл самый опасный для него форвард.

Бобби Халл выступал в сборной под № 16, а вообще его номер — девятый. Но в том-то и дело, что на эти исторические матчи он уступил свой номер более знаменитому канадцу (это признает сам Халл) Горди Хоу.

4

4. Титул этого профессионала «Самый, самый, самый». Почти все рекорды профессионального хоккея принадлежат Хоу. Он старше всех хоккеистов в мире — ему 46 лет. Он единственный отец, который играет в одной команде со своими сыновьями Марком и Марти (кстати, и третий сын 16-летний Мюррей также уже играет в хоккей и, говорят, неплохо).

Наконец, у него больше всех шрамов на голове (отличительная черта канадского профессионального хоккея) — около трехсот. Трижды ему ломали нос, несколько раз ребра, за всю спортивную карьеру выбили 10 зубов...

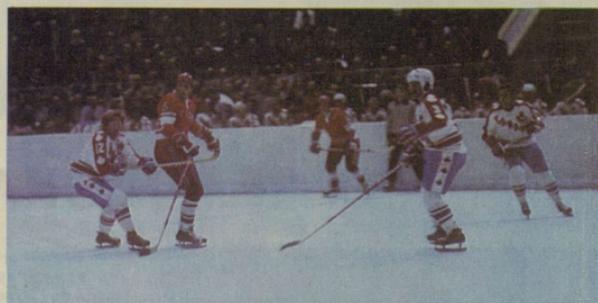
Хоу, конечно, мастер своего дела. На снимке он без клюшки, но быстро сообразил, и отдал пас по-футбольному, ногой. Умение быстро оценить ситуацию и найти верное решение — признак хоккеиста высокого класса.

5. Встречи с профессионалами подтвердили, что советские хоккеисты не только не уступают в классе представителям страны кленового листа, но и часто превосходят их в мастерстве. Обратите внимание, как умело контролирует шайбу Владимир Петров № 16. Он прикрыл все подступы к ней, и канадцу Полу Шниру № 18 не на что рассчитывать. И, что самое главное, Петров не смотрит на шайбу, его взгляд устремлен вперед: что предпринять? Контролировать шайбу, не глядя на нее, — это высший класс хоккеиста. Чтобы овладеть этим навыком, необходимы годы упорнейших тренировок.

5

6. Канадские профессионалы не любят и не умеют проигрывать. При проигрышах они показывают целый арсенал запрещенных приемов. Играющий тренер Пэт Стэйлтон № 12 удерживает клюшкой Александра Якушева № 15. Да, Якушев своими рейдами навел страху на канадских профессионалов. Видите, его опекают сразу двое: Стэйлтон и Жан-Клод Трамбле № 3. И даже в таких «стесненных» условиях Александру удалось забросить в ворота канадцев 5 шайб.

6

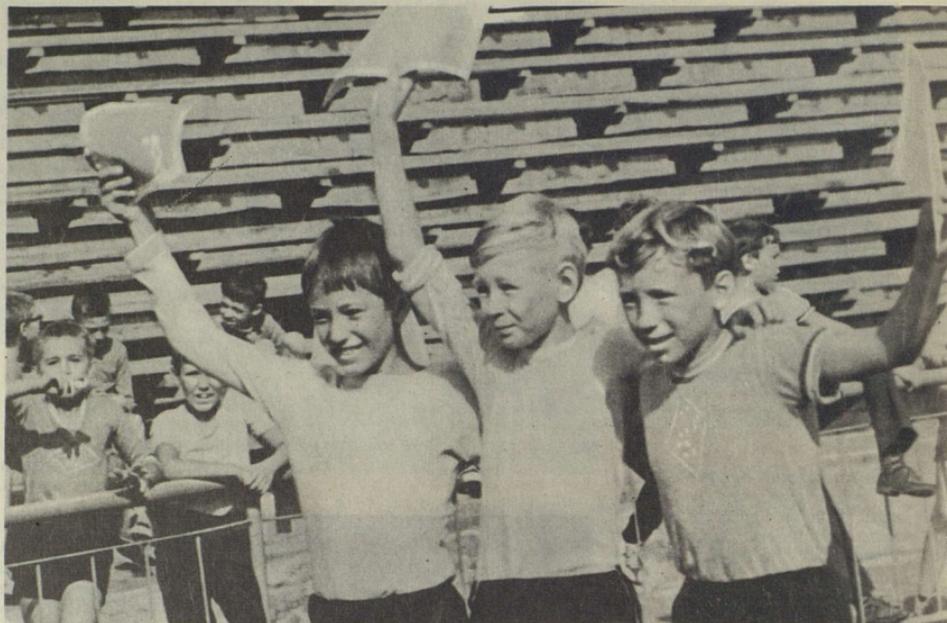
7. Серж Бернье № 21 в этом моменте правильно придержал клюшку Владимира Петрова № 16, а Марк Тардифф № 22 подобрал шайбу. На заднем плане Валерий Харламов № 17, но и он ничем помочь партнеру по команде не может, его отпустил Режан Уль № 5. Момент выигрышный для канадцев. И это еще раз говорит о том, что за океаном умеют хорошо играть в хоккей.

7

После серии игр канадские журналисты оценили (как принято делать в мире бизнеса) советских хоккеистов: Третьяк — 2 миллиона долларов, Харламов — 2 млн., Якушев — 2 млн., Мальцев — 2 млн., Петров — 1,5 млн., Михайлов — 1,5 млн. и т. д. То есть дороже, чем своих звезд. Вот что значит советский хоккей!

61

ГТО

О ЧЕМПИОНАХ...

Г. Горлов
Фото М. Тура

Прыгает Марина Волье

50 копеек — это четыре эскимо и стакан газированной воды. Наверное, так думал Игорь Паховиков, отправляясь на тренировку по гимнастике. Монету сжал в руке — в тренировочном костюме нет кармана. Забыв о том, что это негигиенично, Игорь сунул полтинник в рот.

«Надо будет на тренировке, — соображал Игорь, — попробовать крутануть сальто вперед. Один мальчишка из соседнего двора вчера прямо в ботинках у дома крутанул. Неужели не смогу?» Мотнул головой Игорь и... проглотил полтинник. Вначале остановился. Не каждый день глотаешь деньги, что делать? На стадионе пошел к врачу...

Был рентген, а затем подготовка к операции и долгие томительные дни в больничной палате.

А на дворе уже весна, почки набухают. Весь класс отправился за вербой. Заканчивается третья четверть. Впереди каникулы. А Игорь — в больнице. Как не позавидовать друзьям... Но все чаще они стали к Игорю наведываться. Чуть ли не каждый день после уроков кто-нибудь идет к Паховому. Принесли учебники, тетради.

Вышел из больницы и почти совсем не отстал в учебе. Спасибо ребятам. Вновь пошел в секцию гимнастики. Интересно, что сразу же на-

Вот они — победители (справа налево):
Дима Слободнюк, Валерий Пшеничный, Игорь Паховов

чал выполнять упражнения лучше, четче. Тренер даже удивился. А Игорь понимал почему: соскучился.

Эту историю мне поведали одноклассники Игоря, ребята из 4 «д» класса 51 харьковской школы. С ними-то я и пришел на стадион. В этот день четвертые классы 51 школы сдавали нормативы нового всесоюзного комплекса ГТО... И вот финальный забег на 60 метров. Кто же первый? — Игорь Паховов! Летние ка-

никулы он провел с пользой. И несмотря на то что долго болел, все же перешел с друзьями из третьего в четвертый класс. А теперь еще и чемпион.

А среди девочек чемпионкой стала Марина Вольпе из 4 «б», без сомнения, способная не только к игре на фортепьяно (она в четвертом классе музыкальной школы), но и к занятиям спортом. Посудите сами: она выиграла соревнование в беге на 60 метров и прыжках в длину, а ведь никакие спортивные секции не посещает. Правда, мечтает (призналась Марина мне) заняться художественной гимнастикой.

...И О ТЕХ, КТО НЕ ПОЛУЧИЛ В ЭТОТ ДЕНЬ ГРАМОТ

...Но победителей всегда единицы, а вот остальных, те, кто не получил грамоты в этот день, расстроились ли они? Для того, чтобы узнать это, я взял здесь же на трибуне маленькое интервью.

Здик СЛАВГОРОДСКИЙ. 4 „а“. Одна четверка в таблице. Со 2-го класса делает зарядку. „Жду дня, когда исполнится 14 лет, обязательно пойду в секцию самбо“.

Аня ШАПОВАЛ. 4 „а“. Четверка за год по физкультуре. Все свободное время посвящает фокстерьеру Чарлику. „Уже делаю с папой зарядку и на следующих соревнованиях обязательно буду среди чемпионов“.

Ира ЗАВАЛИПИЧ. 4 „д“. Учится на „5“ и „4“. Ходила в секцию гимнастики, не по душе. Бросила. „Завтра же запишусь в секцию плавания“.

Сергей ПОПОВ. 4 „а“. Учится без троек. Играет на скрипке (в четвертом классе музыкальной школы). Много думает о хоккее и об Александре Мальцеве. „Выполнил только на серебряный значок, буду тренироваться, чтобы заработать золотой“.

У представителей 4 „в“ на этих соревнованиях на груди красовались эмблемы „Ну, погоди!“, и сделали их Юра Скорлущенко и Вова Курцев. А Света Севрук из 4 „а“ написала лозунг к этим стартам (вы его видите на цветном снимке).

* * *

С хорошими ребятами из 51-й школы я познакомился в Харькове. Узнал, что в школе этой вот уже какой год ни одного второгодника. Что пионерская дружина из года в год правофланговая и что хоровая капелла мальчиков с 1 по 9 класс хотя и звучит негромко, но слава ее гремит по всей Украине.

В 10-м классе 51-й школы учится мастер спорта международного класса Людмила Кутакова, которая на последнем чемпионате Европы в Вене по водным видам спорта выступала за нашу сборную команду и в плавании вольным стилем заняла 5 место. И что немаловажно, Людмила учится на «5» и «4».

ИГРА СЛОВ

За покушение на жестокого генерал-губернатора Трепова русская революционерка Вера Засулич была предана суду. Защитником на процессе выступил выдающийся юрист А. Ф. Кони.

После его смелой защитительной речи революционерке был вынесен оправдательный приговор.

Вскоре после процесса на светском вечере одна из великих книжниц, увидев Кони, воскликнула:

— Ах, среди нас «красный прокурор».

— Да, ваше высочество, я краснеть еще не разучился, — отпарировал защитник.

КТО ЧТО МЕНЯЕТ

Когда известного американского общественного деятеля Джефферсона упрекали в том, что он перешел из республиканской партии в демократическую (которая в тот момент была более прогрессивной), Джефферсон отвечал:

— Кто что меняет, господа! Одни меняют свои убеждения, чтобы сохранить партию, я предпочел сменить партию, чтобы сохранить свои убеждения.

СОДЕРЖАНИЕ

Ленин с нами	1
детское творчество	
Весна семнадцатого года	4
очерк Н. Ходзы	
рисунки В. Бескаравайного	
Две горсти земли	8
очерк В. Того	
рисунок А. Харшака	
Шла война народная	
Из фронтовых блокнотов поэтов и художников.	
Из сообщений радио и газет	12
Барaban	14
журнал юнкоров	
Мальчик в папаше	18
документальный рассказ К. Курбатова	
Трасса	20
письма с БАМа	
Г. Ковенчука	
оформление автора	
Ленин верил в курскую руду	24
очерк Н. Владимирской	
оформление Н. Андреева	
Сундук, в котором что-то стучит	26
сказка В. Аксенова	
рисунки М. Беломирского	
Морская газета	40
Поход „Курс—Победа!“	42
Мужчины большие и маленькие главы из повести Ж. Браун и О. Грудина	44
рисунки А. Слепкова	
За хлеб	50
очерк Б. Алмазова	
рисунок А. Аземши	
Стихи	54
А. Тараскина	
рисунок Г. Ясинского	
Телефонный разговор	55
сказка Ю. Степанова	
рисунок А. Орлова	
Арчебек	56
шахматы и шашки	
Уголёк	57
журнал для мальшей	
Хоккей! Хоккей! Хоккей!	
фотоочерк А. Хомича и Г. Орлова	59
ГТО	62
репортаж Г. Горлова	
фото М. Тура	

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина (ответств. секретарь), А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидеева, Р. П. Подгони, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, В. В. Торонцин, И. А. Ходва, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркин (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломирский
Технический редактор В. И. Мецатунова
Корректор В. А. Мавская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15,
Таврическая, 37. Телефон: 14-57-76. Рукописи и
фотографии не возвращаются.

М-22061. Сдано в набор 6-1-1975 г. Подписано к
печати 28-1-1975 г. Формат 60×90%. Печ. л. 8+
обл. уч.-изд. л. 8.8. Тираж 560 000 экз.
Заказ 3839. Цена 25 коп.

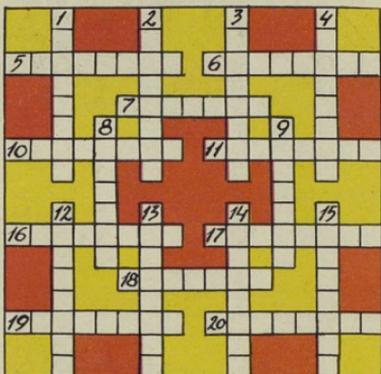
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном комите-
те Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли, 197101,
Ленинград, П-101, Криверская ул., 7.

Составил и оформил
Вл. Уфлянд

В НОЧЬ НА 1 АПРЕЛЯ Хуссейн решил подшутить над друзьями и, когда они заснули, поставил сигнал будильника на 3 часа ночи. Сиволалыч проснулся в 1 час ночи и, не заметив проделки звездочета, решил пошутить в свою очередь и перевел стрелки будильника назад на 4 часа. Следом проснулся Демьяша. Стрелки будильника показывали 23 часа. Увидев, что сигнал поставлен на 3 часа, Демьяша — большой любитель поспать, рассердился и переставил звонок на 8 утра. Через 2 часа проснулся Гном и, решив подшутить над друзьями, поставил сигнал будильника на 4 часа утра. В котором часу зазвонил будильник?

Проснувшись, друзья, в честь самого веселого дня в году, кроме обычной физзарядки, проделали умственную гимнастику, решив натошак кроссворд ЮРИЯ ПОСПЕЛОВА из Рязани. В этом кроссворде нужно из каждой пары слов, переставив в них буквы, сложить соответственно заданию новое семи- или восьмибуквенное слово и вписать его в клетки.

По вертикали: 1. НОТА, КРЕМ — инструмент для настройки. 2. ФАСОН, СОК — музыкальный инструмент. 3. КАЧКА, ТОР — небольшой фотоснимок. 4. СУРИК, ЯМБ — рыба. 8. ПЛОТ, ОКО — деталь помещения. 9. ФУРА, АКТ — опись товара. 12. АЛЪТ, ПИКЕ — часть колонны. 13. НАСТ, АРАТ — вид повозки. 14. НАГАР, ДВА — передовая группа. 15. ДРОК, ТИРЕ — руководящая должность.

По горизонтали: 5. ТАЧКА, МАК — полуостров. 6. РАМА, РАУТ — основа железобетона. 7. ТОМ, ОКОП — представитель будущего поколения. 10. КОРТ, ПОЛО — документ. 11. АМУР, ВИКА — резервуар для рыб. 16. ЛОДКА, ЯВА — хранилище. 17. ТРАК, ВИРА — жилище. 18. КИТ, РАНА — художественное произведение. 19. ТИБР, ТЕМА — буковинский духовой инструмент. 20. КРАН, ТИНА — санитарный пункт.

ОТВЕТЫ

НА ЗАДАНИЯ № 3.

1. Книгу «Вязание» и швейную машинку получила Сорока. «Пособие по вышивке» — Бабушка Яга. Электрокашварку — Маша Искусница.

2. «ПЕЧЕНЬЕ ТВОРОЖНОЕ». Нужны: маргарин, творог, сахарный песок, противень, духовка.

3. КРОССВОРД. **По вертикали:** 1. Сахар. 2. Аванс. 3. Шквал. 5. Терем. 6. Карта. 7. Тумба. 11. Смерч. 12.

Парта. 16. Мотор. 17. Пешка. 18. Актер. 19. Карел. 21. Томат. 23. Голак. **По горизонтали:** 3. Шахта. 4. Плавст. 8. Ковер. 9. Табун. 10. Сироп. 13. Смена. 14. Атлас. 15. Гримм. 17. Почта. 20. Оклет. 22. Сопка. 23. Горох. 24. Роман. 25. Купол.

К 1 апреля комиссия приурочила итоговую выставку хитроумных изобретений наших читателей.

В первоапрельской экспозиции вы видите «КОРОМЫСЛО ДЛЯ ПОКУПОК» ИРЕКА САДРТДИНОВА, «ТЕЛЕФОН-ЧАСЫ» САШИ ПОПОВА, «ТРАВИЛОПАТУ» ОЛИ ИВЛЕВОЙ, «МЕТЛОГРАВИЛЫ» конструкции СЕРЕЖИ И ЛАРИСЫ БУРШТЕЙН и неизвестного из г. Сергеевка, «БИЗОНТИК» ОЛИ СТОЛЯРОВОЙ, ИРЫ ДЕМИНОЙ И ЛАРЫ РОДИОНОВОЙ, различные конструкции «ПИЛОТОПОРОВ» СВЕТЫ БЕЛАВИННОЙ, ВИТАЛИЯ СПИЦЫНА, САШИ СПИРОВА, ИГОРЯ САВЛОВА. «ЧАСЫ-ЛЮСТРА С ВОРОНОЙ» объединяют оригинальные идеи МАРАТА НЕГАМОДЬЯНОВА, ВИКТОРА ВАХРУШЕВА и СЕРЕЖИ СЕВЕРУХИНА.

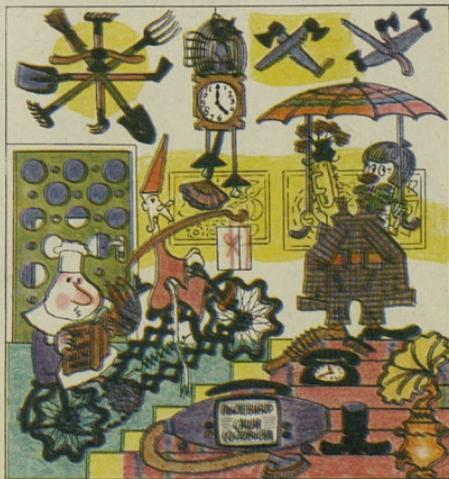
Демьяша и Сиволалыч в качестве манекенщиков демонстрируют «БРЮКИ-ПИДЖАК» СЕРГЕЯ ПЕРЕСКОКОВА, «БЕЗРАЗМЕРНЫЙ БОТИНОК» СЕРГЕЯ ХРАМЦОВА, «ТУФЛИ САДОВНИКА» СЕВИЛИ НАДЖАФОВОЙ и цилиндр БОРИСА КОБЛЕНЦА.

«ВЕЛОСИПЕД ДЛЯ ЕЗДЫ ПО ЛЕСТНИЦАМ» САШИ ЗОРИЧЕВА И АРКАДИЯ РАЕНКИНА сделан безразмерным по предложению Л. ФАДЕЕВОЙ. А сквозь «ДВЕРЬ ДЛЯ ОБЗОРИЯ» конструкции ТАНИ РЯБИХИНОЙ И МАРИНЫ ЗАБОРОВОЙ вы можете разглядеть «СТИРОВИЗОР» САШИ ТРУНОВА.

Своей очередной том сочинений Гном-Гастроном печатает по способу, предложенному ВИКТОРОМ ТАРАРУЕВИЧМ: между строчками одного рецепта печатаются вверх ногами строчки другого кулинарного рецепта. Сначала читается один текст, затем том переворачивается и читается другой текст. Двойная экономия бумаги!

К сожалению, не все изображения поместились в зале. Многие, как например вечный двигатель САШИ САВЕНКО, пришлось разместить во дворе. Но двигатель успешно работает, пока кто-нибудь крутит педали.

В ДЕНЬ СМЕХА, ПОД ЗВУКИ КАПЕЛИ ВЕСЕННЕЙ КОМИССИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ ХУСЕЙНА-ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРИСВАИВАЕТ АВТОРАМ БЕСЕЛЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ ЗВАНИЕ «ХИТРОУМНОГО ИЗОБРЕТАТЕЛЯ»!

Есть у мальчишек любимые книжки.
Но книжкам не любы такие мальчишки...

